

ДИСКУРСЫ ЭТИКИ
Выпуск 3(19), 2023

Санкт-Петербургское
философское общество

Санкт-Петербург
2023

DISCOURSES OF ETHICS
Issue 3(19), 2023

St. Petersburg Philosophical Society

Saint Petersburg
2023

Дискурсы этики

Выпуск 3(19), 2023

УДК 17
ББК 87.7
Д48

ISSN (Печатный): 2306-9430
ISSN (Онлайн): 2311-570X

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/archive/2023_2_18/

Научное издание «Дискурсы этики» является рецензируемым академическим ежеквартальным журналом, посвященным актуальным вопросам теории и истории этики, а также современным проблемам прикладной этики.

Цель журнала: стимулировать активную дискуссию об истории этического знания и тенденциях в рамках этических дисциплин, общественной морали, отношении этики и права, вопросах ценностей и перспективах развития этико-гуманитарных направлений в современном российском и международном контексте.

Выходит 4 раза в год.

Редколлегия:

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д.5,

ауд.104а. Тел.: +7(812)328-94-21 (1843)

e-mail: theoretical.applied.ethics.spbu@gmail.com

<http://theoreticalappliedethics.org/>

© Коллектив авторов, 2023

© Санкт-Петербургское философское общество, 2023

Discourses of Ethics

Issue 3(19), 2023

ISSN (Print): 2306-9430

ISSN (Online): 2311-570X

Permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/archive/2023_2_18/

«Discourses of Ethics» is a peer-reviewed quarterly published academic journal that focuses on topical issues of theoretical and applied ethics.

Mission and scope:

- To provide a platform for research in ethics;
- To reintegrate the ethical community;
- To promote a dialogue in the academic community of moral philosophers;
- To ensure the availability of knowledge, educational technologies and high educational standards for students.

The journal presents the most diverse ethical issues: from bioethics to professional ethics, from the history of ethics to the recent ethical studies.

Editorial office:

5 Mendeleevskaya liniya, office 104a, Saint Petersburg, 199034, Russia.

Phone: +7(812)328-94-21 (1843)

e-mail: theoretical.applied.ethics.spbu@gmail.com

<http://theoreticalappliedethics.org/>

© Authors, 2023

© St. Petersburg Philosophical Society, 2023

Главный редактор

Вадим Юрьевич Перов, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой этики, Санкт-Петербургский государственный университет

Международный редакционный совет

Георгий Петрович Артёмов, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; *Александр Иосифович Бродский*, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; *Лешек Колчух*, Ph.D., Sc.D., профессор, Университет Марии Склодовской-Кюри, Люблин, Польша; *Александр Сергеевич Лаптенко*, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь; *Эрвин Ленгауэр*, Ph.D., Венский университет, Вена, Австрия; *Шунцо Маджима*, Ph.D., профессор, Университет Хоккайдо, Япония; *Гинтаутас Мажейкис*, Ph.D., Dr.habil., профессор, Университет Витаутаса Великого, Каунас, Литва; *Альберто Пирни*, Ph.D., Высшая школа Св.Анны, Пиза, Италия; *Златица Плашиенкова*, доктор философии, профессор, Университет им.Я.А.Коменского, Братислава, Словакия; *Александр Владимирович Разин*, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова; *Предраг Чичовачки*, Ph.D., профессор, Колледж Холи Кросс, Вустер, США; *Александр Анатольевич Шевченко*, доктор философских наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Редакционная коллегия

Татьяна Юрьевна Барташевич, кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет; *Дмитрий Алексеевич Гусев*, Санкт-Петербургское философское общество; *Евгений Викторович Держивицкий*, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; *Татьяна Викторовна Ковалева*, кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет; *Игорь Юрьевич Ларионов*, кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет; *Елена Анатольевна Овчинникова*, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; *Андрей Михайлович Положенцев*, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Сотрудники редакции

Глебова Софья Валерьевна, ответственный секретарь
Васильев Андрей Витальевич, *Гарвардт Мария Андреевна*, *Перова Нина Вадимовна*

Editor-in-Chief

Vadim Yu. Perov, Candidate of Science in Philosophy, Docent, head of the Department of Ethic, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

International Advisory Board

Georgiy P. Artyomov, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University, Russia; *Alexander I. Brodsky*, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University, Russia; *Leszek S. Kopciuch*, PhD, DSc, Professor, Maria Curie-Skłodowska University in Lublin, Poland; *Aleksandr S. Laptenok*, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Belarus State Economic University, Minsk, Belarus; *Erwin Lengauer*, Ph.D., University of Vienna, Austria; *Shunzo Majima*, Ph.D., Professor, Hokkaido University, Japan; *Gintautas Mazeikis*, Ph.D., Dr. habil., Professor, Vytautas Magnus University, Lithuania; *Alberto E.E. Pimi*, Ph.D., Sant'Anna School for Advanced Studies, Pisa, Italy; *Zlatica Plašienková*, philosophiae doctor, Professor, Comenius University in Bratislava, Slovakia; *Aleksandr V. Razin*, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Moscow State University, Russia; *Predrag Cicovacki*, Ph.D., Professor, College of the Holy Cross, USA; *Aleksandr A. Shevchenko*, Doctor of Science in Philosophy, Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board

Tatiana Yu. Bartashevich, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Dmitriy A. Gusev*, St. Petersburg Philosophical Society; *Evgenij V. Derzhivitskij*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Tatiana V. Kovaleva*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Igor Yu. Larionov*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Elena A. Ovchinnikova*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Andrey M. Polozhentsev*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University

Editorial Team

Sofia V. Glebova, Assistant Editor;
Andrei V. Vasilev, *Maria A. Garvardt*, *Nina V. Perova*

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретическая этика

Этико-социальные основания выбора визуальных критериев медленной архитектуры <i>Николаева Ж. В.</i>	11
---	----

Прикладная этика

Либерализм, патернализм и автономия <i>Морозов К. Е.</i>	31
---	----

Парадоксы цифровой идентичности: этические импликации <i>Большакова А. С.</i>	53
--	----

Обзоры и рецензии

«The Theory of Value and Its Place in the History of Ethics» (1901). Анализ статьи Ч.Г. Шоу. <i>Дорогостайский В. Г.</i>	75
--	----

«Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы — 2023» Обзор XV Международной научной конференции <i>Перов В. Ю., Ларионов И. Ю., Глебова С. В., Жадунова Н. В., Карпов Г. В., Коваль Е. А., Овчинникова Е. А., Ставцева О. И., Сычев А. А., Чумакова Т. В.</i>	81
---	----

CONTENTS

Theoretical Ethics

Ethical and Social Grounds for Choosing Visual Criteria for Slow Architecture <i>Nikolaeva Zhanna</i>	11
---	----

Applied Ethics

Liberalism, Paternalism, and Autonomy <i>Morozov Konstantin</i>	31
Paradoxes of Digital Identity: Ethical Implications <i>Bolshakova Anastasia</i>	53

Reviews

«The Theory of Value and Its Place in the History of Ethics» (1901) by C.G. Shaw. Paper Review. <i>Dorogostaiskii Victor</i>	75
«Theoretical and Applied Ethics: Traditions and Prospects — 2023» Review of the 15th International Conference <i>Perov Vadim, Larionov Igor, Glebova Sofia, Zhadunova Natalia, Karpov Gleb, Koval Ekaterina, Ovchinnikova Elena, Stavtseva Olga, Sychev Andrey, Chumakova Tatiana</i>	81

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭТИКА

THEORETICAL ETHICS

[Пустая страница]

[This page intentionally left blank]

Дискурсы этики. 2023, 3(19): 11—28

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2024/04/DE2023_3_19_11-28.pdf

УДК 172; УДК 72.01

ЭТИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВЫБОРА ВИЗУАЛЬНЫХ КРИТЕРИЕВ МЕДЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Николаева Ж. В.

статья:

поступила в редакцию 10.10.2023

принята к публикации 10.11.2023

опубликована (онлайн) 17.04.2024

© Николаева Жанна Викторовна

кандидат философских наук,

доцент Института философии СПбГУ, ассоциированный сотрудник Социологического

института Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

адреса для корреспонденции: z.nikolaeva@spbu.ru; z.v.nikolaeva@gmail.com

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. Исследование представляет собой опыт размышления о возможностях этико-социальной экспертизы образного языка архитектуры, следующего за социальным конструктом «медленная жизнь» (Slow Living). В целом, в архитектуре существует проблема, которая заключается в непонимании акторами и наблюдателями этического значения объектов и пространств. Решением проблемы может оказаться внедрение эмпатического подхода к архитектурному дизайну и урбанизированной среде, который отчасти заключается в отказе от акселерационизма в проектировании и реализации проектов.

Архитектура не должна мешать человеку жить в пространстве своего города и жилища. Прежде всего, форма не должна доминировать над личностью; она должна быть органично интегрирована в существую-

щую среду с уважением к каждому из ее элементов. Одним из ключевых моментов в понимании нормативности в визуальном опыте является определение того, каким мог бы быть универсальный подход, применимый при формировании критериев, постулирующих в доступной реципиенту форме ответы на следующие вопросы: «Что создает дисбаланс как в самой физической среде, так и в ее психологическом восприятии жителями?», «Что является хаосом визуальной информации в городском пространстве?», «Существует ли «неправильный» дизайн?» и т.п. Для начальных ответов на эти вопросы в статье рассматриваются 1) этико-социальные критерии нормативности образного восприятия визуальных объектов, соответствующих принципам адептов Slow Living; 2) новые подходы в визуальной эстетике архитектурного антропоцена; 3) практические, психологические и философские аспекты архитектурной экологии на примере «медленного города» и «медленной архитектуры».

Ключевые слова: медленная архитектура, этика, архитектурный антропоцен, визуальная экология, этико-социальные критерии, новый гуманизм.

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ №21-18-00046
«Определение критериев визуального загрязнения окружающей среды»

Discourses of Ethics. 2023, 3(19): 11—28

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2024/04/DE2023_3_19_11-28.pdf

ETHICAL AND SOCIAL GROUNDS FOR CHOOSING VISUAL CRITERIA FOR SLOW ARCHITECTURE

Nikolaeva Zhanna

received 10.10.2023

accepted 10.11.2023

published (online) 17.04.2024

© Zhanna V. Nikolaeva

Candidate of Philosophical Sciences,

Associate Professor of the Institute of Philosophy of SPbU,

Associate of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Correspondence to: z.nikolaeva@spbu.ru; z.v.nikolaeva@gmail.com

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract. The research is an experience of thinking about the possibilities of ethical and social expertise about the figurative language of architecture following the «Slow Living's» social construct. In general, there is a problem in architecture, which is a misunderstanding by actors and observers of the ethical meaning of objects and spaces. The solution to the problem may be the introduction of an empathic approach to architectural design and urbanized environment, which partly consists in the rejection of accelerationism in the design and implementation of projects.

Architecture should not prevent a person to living in the space of his city and home. First, the form should not dominate the personality; it should be organically integrated into the inhabitant environment with the respect for each of its elements. One of the key points for understanding normativity in visual experience could be to determine what kind of an universal approach is applicable for the formation of the criteria that postulate answers to the

following questions in an accessible form to the recipient: «What creates an imbalance both in the physical environment itself and in its psychological perception by residents?», «What creates the visual information's chaos in the urban space?», «Is there a "wrong" design?» etc. For initial answers to these questions, the article discusses 1) ethical and social criteria of normativity in figurative perception of visual objects corresponding to the principles of adherents to Slow Living; 2) new approaches in the visual aesthetics of the architectural Anthropocene; 3) practical, psychological and philosophical aspects of architectural ecology on the example of «Slow City» and «Slow Architecture».

Keywords: slow architecture, ethics, architectural Anthropocene, visual ecology, ethical and social criteria, the new humanism.

Funded by the RSF, Project №21-18-00046

«The definition of criteria for visual pollution of the environment»

На современном этапе развития человеческой цивилизации антропологические, социально-философские и онтологические проблемы, наряду с их пониманием в области права и морали, стоят особенно остро. Предметом нашего исследования является новый социальный лексикон, который в настоящее время является единственным способным объяснить экономические и культурные преобразования, которые западные общества переживают уже более двадцати лет. Появление практики «медленной жизни» по-видимому связано с тем фактом, что западное общество, когда-то ориентированное на «демонстративное потребление», уже прошло пик своей интенсификации. Социокультурная конструкция «медленной жизни» («Slow Living»), появившаяся еще прежде актуального «времени тотального замедления», сфокусирована на созерцательном и вдумчивом образе жизни, с четким пониманием того, что многозадачность и принятие дополнительных обязательств непродуктивны [5; 14; 15; 16; 17]. В то же время теория замедления потребления и экономии затрат человеческого времени не ригидна, а, напротив, предлагает различные динамические формы.

В независимости от многих функций, которые архитектура приобретает или утрачивает с течением времени, она неизменно включается в процесс коммуникации, в том числе и между поколениями, оказывается сценой для событий в жизни города, а также носителем для записи преобладающих идеологий, в том числе этических и эстетических. «Производство пространства» — по выражению классика спатиалистских теорий Анри Лефевра — это синтетический процесс, в котором взаимосвязаны все сферы знаний для формирования среды обитания человека [3]. Прежде всего это — размещение объекта в среде обитания представляющее собой коллективный опыт визуального соучастия, опыт со-бытия. Система пространственного размещения объек-

тов, пересекается с системой совместного проживания. Таким образом, теория восприятия и формирования урбанизированных ландшафтов может быть проанализирована с точки зрения этики, критической теории, а также через топологическую рефлексию и бихевиоральную экономику.

Философское размышление о феномене замедленного восприятия жизни, медленной активности и значении созерцания имели огромное значение для формирования концепта «медленной визуальной среды». Гипотеза о необходимости ограничения энтропии иконических форм в визуальной среде подтверждается примерами объектов, создающих агрессивный ландшафт и визуальное загрязнение [2; 4; 14]. Поэтому «медленная архитектура» направлена прежде всего на создание этических и эстетических критериев, определяющих визуальную перспективу новой архитектуры антропоцентрического этапа развития цивилизации, визуальное загрязнение городских ландшафтов, а также методы достижения визуальной экологичности путем замедления визуального (иконического) наполнения архитектурного образа.

* * *

Современная культур-экономика прежде всего связана с рациональным потреблением и различными антикапиталистическими трендами. Вам не нужно читать Р. Барта или Ж. Делеза, чтобы понять, насколько эффективным может быть «правильный» образ жизни, основанный на успокоенности, вдумчивости и размеренности. Власть над чувствами, способность повышать осведомленность, не подвергаться травматическим событиям, и, в то же время, подчеркивать вашу индивидуальность, невозможно оценить негативно в XXI веке. В наше время эти установки постоянно отсылают к экологии и заботе о себе: физическому и психологическому здоровью индивида, экологии почв и природных ресурсов и т.д., и т.п. Также, представителям образованного класса со сходными эстетическими, эмпатическими и консьюмеристскими установками свойственно осознанное и не агрессивное потреб-

ление, осознанная и не агрессивная коммуникация. Частично речь идет о попытке возврата к утраченным сообществам доверия (о которых сожалели еще Э. Дюркгейм и Г. Зиммель, не говоря уже о М. Хайдеггере) — сообществам с общими моральными установками, одинаковостью и общим опытом, в которых ценность сохраненного многообразного мира превалирует над ценностью абстрактной успешности.

«Медленная архитектура» видит своим прародителем итальянское социально-этическое движение «за медленную еду» середины 1980-х годов. Именно тогда (в 1989 году), основанная в Италии международная организация «Slow Food» подписала в Париже манифест, автором которого был ныне всемирно известный ученый Карло Петрини¹, пропагандирующий употребление локальных продуктов, «освященных» веками традиции и истории [16]. Италия и итальянцы часто играли первостепенную и уникальную роль в развитии инновационных процессов по всему миру. Во второй половине XX века итальянская культура стабильно генерировала новые концепции в области массового искусства, моды и дизайна: интернациональный характер ее послания достигается за сочетания роскоши и практичности, к которой бессознательно стремился мировой потребитель. Slow Life является одним из новых (но и традиционных) произведений «итальянского инновативного гения». Концепт реализуется с опорой на философию созер-

¹ Карло Петрини (р. 1949) — основатель первого Университет гастрономических наук в Италии (осн. 2004), изучал социологию в университете г. Тренто. Известен как автор и популяризатор идей Slow Food — «за медленную еду». Среди наиболее известных публикаций: «Вкусно, чисто, добросовестно. Принципы новой гастрономии» (Einaudi, 2005); «Slow Food Revolution — A New Culture for Eating and Living» (Rizzoli, New York, 2006, совм. с Джиджи Падовани); «Еда и свобода» (Giunti/Slow Food editore, 2013); «Slow Food. История возможной утопии» (Giunti/Slow Food editore, 2017). Спустя тридцать лет после начала просветительской деятельности Карло Петрини органические продукты, сыры ручной работы и крафтовые напитки получили распространение по всему миру. Отдельным успехом стало появление гастробаров и специализированных магазинов и ресторанов, где продают только продукты, выращенные на приусадебных участках, что одновременно поддерживает локального производителя и гарантирует «чистоту» продукта.

цательного и неторопливого образа жизни как творческого и интеллектуального акта.

В конце XX века часть промышленного и финансового мира и даже отдельные представители политического класса признали экономически эффективным осуществление стратегии продвижения культуры «За медленную жизнь». Таким образом мы уже тридцать лет наблюдаем коммуникативное поведение, социальное действие, движение формальных и неформальных институтов направленные на появление практики и экономики размеренного образа жизни (медленная еда, медленное телевидение, медленный туризм и т.п.) [6; 14; 15; 17].

Как контркультура процветающего века информации, медленное движение выросло из потребности в более медленной скорости жизни. Движение поддерживает действия, совершаемые в обдуманном, а не замедленном темпе, движимые мыслью и пониманием. Плавность, информированность, обдуманность, — вот основные принципы «нового гуманизма». Такой гуманизм ставит интересы человека превыше работы, карьерного роста, а суеты вокруг успешности и вовсе ниспровергает до заблуждения. В начале активиста говорили в основном о чистой и здоровой, но вкусной и правильно сделанной с точки зрения экологов еде, но затем идеология распространилась на различные аспекты культуры и жизни, такие как образование, экономика, потребление, мода, кино, медицина, путешествия, города и архитектура. Потреблять меньше, но продукты более высокого качества, — в любом виде потребления, — один из самых простых способов повысить качество жизни, который, к тому же, этичен и даже выгоден производителям. Последние тоже работают меньше ради эффективного экономического результата.

Аналогичным образом архитекторы могут создавать сооружения постепенно, последовательно и органично, принимая во внимание историю и культуру места и людей, используя экологически контекстуальные и устойчивые методы. Это — антитеза броской «иконической» архитектуре, призванной привлекать внимание, разжигать желание и создавать иллюзию успеха. Медленная архитектура фокусируется на

функции, а не на форме, удовлетворяя социальные и психологические потребности клиентов при помощи создания пространств, в которых удобнее осуществлять праксис медленной жизни. Это непрерывный процесс, требующий от архитекторов представлять дизайн по мере развития функций — поэтому вместо того, чтобы быть жесткими или фиксированными, конструкции со временем адаптируются к потребностям людей и места. При этом, поскольку будущее непознаваемо, а человеческие потребности меняются, лучше не создавать ничего лишнего, избыточного. Медленная архитектура не обязательно должна быть минималистично-экономной, скорее, наоборот, сооружение должно быть построено из высококачественных материалов с использованием большого количества ремесленного мастерства (медленного ручного затратного труда), гармонично сочетаться с мировоззрением и привычками владельца, создавать уникальные впечатления и образы, то есть так глубоко работать со смыслами, что быстро что-то реализовать просто не получится.

Теоретики и практики «медленной архитектуры», основываясь на философии родительского движения «Slow Food», объясняют, что «медленная архитектура» также состоит из ингредиентов: местных и экологически чистых материалов (к таким он относит, кстати, не в последнюю очередь, бетон), прочных конструкций, изготовленных из материалов, соответствующих контексту, учитывающих местные традиции, сочетающихся с рельефом участка и даже демонстрирующих его возраст (как выдержанные сыры или вина) [16; 19]. Только тогда можно говорить о формировании чувства подлинной региональности. Интересным принципом является также внесение в проект информации о том, как сооружение будет выглядеть старея, с тем чтобы минимизировать любые последующие вмешательства. Допустима аналогия с разогретой и от этого испорченной пищей.

Гармонизировать с окружающей средой не просто, часто это понимается как эко-стиль: дерево, дерево и иногда камень. При этом отсутствует четкое понимание желательности использования именно дерева, а на обработку и доставку камня тратится большое количество

энергии. В этом смысле эко-архитектура часто представляет собой имитацию экологичности.

На самом деле только при «медленном» проектировании можно «успеть» учесть все по-настоящему экологические условия участка в отношении солнца, ветра, сезонных температур, использовать преимущества естественного освещения, воздушного потока и естественных возможностей для обогрева и охлаждения и даже проектировать с учетом Climate Change — будущих весьма вероятных изменений климата и связанных с этим рисков и возможностей. Вписать здания в их городское окружение, было задачей архитекторов, воспитанных на теориях Альдо Росси [7], но вписать здания в природный ландшафт, находясь при этом в городе (ландшафт антропоцена) пока мало кому удавалось [10].

А что, если требуется быстрый, но качественный результат? На этот случай есть тоже есть «медленный» вариант, как будто бы подсмотренный в гетеротопиях М. Фуко [8]: создавать временные, легко трансформируемые и утилизируемые объекты, которые могут сменить владельца, развиваться во что-то будущее и долговечное, сохраняя свои первоначальные формы, или незатратно уничтожаться, не нанося ущерба экологии.

Медленную архитектуру можно понимать и просто как пространства, способствующие неторопливой жизни, или пространства, которые намеренно создаются с течением времени (культурный ландшафт). Практика МА тесно связана с экологической устойчивостью и поощряет строительство в гармонии с природой для создания долговечных сооружений. Slow Architecture призывает и архитектора, и его заказчиков мыслить долгосрочно, о будущих поколениях, естественным образом становясь соавтором, чтобы создавать продуманные, социально-ответственные и просто значимые с точки зрения этики и эстетики проекты. Возможно, речь идет об этическом принципе понимания себя как части более крупных систем и выведения заказчика, как и архитектора из людей из центра событий. Такую архитектуру мы бы назвали эмпатической. Кроме этого, продуманно спроектированные дома и

территории поднимают на другой уровень эмоциональную историю людей и места. Медленная архитектура, таким образом, ставит во главу угла качество, устойчивость и долговечность, а также социальную и экологическую ответственность и экономическую рациональность.

По разным причинам архитектура в XX веке носила либо капиталистический характер, либо представляла собой массовый низкокачественный продукт. Всем известно, что в массовом строительстве стандартизация и заводское изготовление привели к сокращению сроков реализации проекта наряду с отстраненным пониманием контекста. Процессы, управляемые машинами, лишают здания человеческого характера и влияния. Создавая неспешные пространства для размещения различных стилей жизни, архитектурный дизайн может способствовать воссоединению с настоящим моментом.

Даже странно, что архитектура не всегда была такой. В действительности же, первые проекты городов и архитектурных сооружений, противопоставленных тренду на футуристическое ускорение развития, появились одновременно с социологическим пониманием разрушающего воздействия Града земного, но в своеобразную архитектурную философию замедления они оформились только в конце XX века. Вероятно, дело в том, что архитектурные технологии в это время достигли именно такого уровня производительности, при котором любое бюро способно делать убедительные, безопасные, технически безупречные, эргономические и экономически целесообразные проекты. Оставалось решить проблему идеологических установок в проектной творчестве, сложившуюся в соответствии с постмодернистскими принципами «эстетизации политической экономики». Однажды мы назвали ее «контаминированностью политическим и капиталистическим дискурсом» [6].

Дело в том, что заказчиком архитектурного сооружения являлся вообразимый коллектив носителей прав с разным опытом и не сопоставимыми моральными ценностями даже если формально справедливость и экологичность им признавались высшей добродетелью. По-

этому роль «звездных» архитекторов и бюро была настолько высока, что обезличенный зритель должен был быть не соучастником, а зрителем, что соответствовало тенденциям «общества спектакля» (оно же — «общество зрелища»).

Городские пространства — это не только коллекция архитектурных объектов, которые могут быть использованы для статистических или социологических исследований. Это также и в то же время система коммуникации, совокупность образов, протокол обычаев, ситуаций и поведения. На самом деле, мы настаиваем на идеологической основе архитектуры, опираясь на многочисленные примеры, взятые из очень хорошо известного симбиоза власти и архитектуры.

О грядущих переменах в городском планировании и архитектуре в связи с новыми потребительскими установками в 1997-1999 г. Жан Бодрийяр написал книгу, состоящую из бесед, которые он вел с французским архитектором Жаном Нувелем [11]. В этой книге Ж. Бодрийяр рассматривает такие фундаментальные вопросы, как политика, идентичность и эстетика. Между соавторами выстраивается философский диалог о городе завтрашнего дня, окончательно медиатизированном и глобализированном, построенном на обществе выравнивания ценностей и обобщения мышления, основанного исключительно на субъективных мнениях. Ответ, который дают философ и архитектор: это может быть идея, здание, цвет, чувство, человек. Лишь бы это был единичный объект, уникальный и индивидуальный. Следующий вопрос авторов к самим себе «Как мы можем их определить, создать, защитить, распознать?». Во многих отношениях это — образовательная деятельность, но не в области написания учебников и слушателей аудиторий, а скорее, в тренировке мыслей, *развитии этики и эстетического чувства*². С практической точки зрения, нужно только вспомнить отношения детства, когда игры на школьном дворе давали чувство сопричастности друг другу. Абсолютную справедливость этой книги доказывает в наше время сама жизнь современных обеспеченных стран — с ее дауншиф-

² Курсив мой.

тингом и «осознанным потреблением», неприятием «культы роскоши», возвращением к нематериальным ценностям, расцветом феминизма и даже медленной смертью «индустрии высокой моды» и «индустрии красоты».

В XXI веке процессы проектирования и строительства, массовое производство, глобализация и потребность в росте ассоциируются уже с ущербом благополучию и качеству жизни других. А.В. Иконников в книге «Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве» давал такое определение: «Архитектурное пространство — часть пространственной непрерывности мира, выделенная и сформированная материальными элементами, которая *вмещает человека*³, воспринимается им и обеспечивает условия жизнедеятельности» [1, с. 41]. Остается открытым вопрос о том, какого человека оно вмещает человека настоящего или будущего? Растущий интерес к взаимодействию человека и архитектуры развивается параллельно интересу к трансгенерациональной (межпоколенческой) ответственности, теориям устойчивого развития и осознанного потребления [4; 9]. Генри Шу в недавнем исследовании «Ключевое поколение: Почему мы несем моральную ответственность за замедление изменения климата прямо сейчас» [18, с. 41] прямо указывает на то, что мы не знаем какая среда (в том числе и архитектурная) будет соответствовать потребительским установкам новых поколений.

Современный город может быть представлен в виде переплетенных сетей, образ которых проявляется не только в воспроизводимом аэрофотосъемкой рисунке городских улиц и проспектов, но и набором иных траекторий не физического свойства. Цифровая реальность (представляется уникальным онтологическим феноменом, соединяющим материальный и идеальный миры) и другие технологии увеличивают пропасть между возможным и достижимым, поэтому в настоящий момент развиваются два направления архитектурной философии: 1) Тотальное замедление привычных нам норм и правил строитель-

³ Курсив мой.

ства и проживания (охранный режим). 2) Проектирование с помощью искусственного интеллекта по принципу «доказательной медицины» и «медицинского протокола». Второй подход намеренно учитывает, что нужно владельцу дома или здания и окружающей среде, и как это изменится со временем. Поэтому «медленную архитектуру» даже назвали «интенциональным дизайном» XXI века [13].

Принципы медленного дизайна сложны и труднопереводимы на язык визуальных образов, зато прекрасно фиксируют отражают этико-эстетический императив: хороший дизайн означает дизайн, основанный на сочувствии к человеку (эмпатии). Здание должно быть красиво хотя бы потому, что в будущем никто не станет заботиться об уродливом здании, а значит его жизнь будет недолговечной и, как следствие потребует его замена раньше возможного срока, что напрямую противоречит принципам медленной жизни. Раньше архитекторы специализировались на красоте, а не на скорости возведения постройки. Второй принцип — т.н. «чистота», также позаимствован из тезисов Карло Петрини. Это еще один способ объяснить визуальную и практическую «экологичность». Насколько материалы, из которых мы строим дома, являются «чистыми»? Принципы медленного дизайна формулируются по-разному, но, в целом, основополагающими принципами создания новых критериев оценки красоты и полезности, могли бы стать «раскрытие опыта повседневной жизни в объектах» и «учет потенциальных будущих функциональных проявлений артефактов в окружающей среде, выходящих за рамки их физических функциональных возможностей, и продолжительности жизни» [19].

* * *

Создавая такую культурологическую и философскую дисциплину, как «визуальная экология», мы неизбежно приходим к определению критериев восприятия и формирования визуальной среды. Ландшафты, окружающие современного человека, в основном условно-городские. Все большую роль в нашем опыте играет среда виртуальная, которая

строится по законам архитектоники, сформулированным еще в античности.

Красота — это утешение, и дорогие буржуазные постройки в эклектичном XIX веке особенно агрессивно смотрелись на фоне антиэстетики трущобной жизни. Революции отменили неравенство в праве на утешение красотой, собственно уравнивая в правах всех за счет изъятия преимущественности такого права у элиты, одновременно попытавшись изобрести более экономичный вариант декора и дизайна (функционализм, конструктивизм и др.). Это был начальный этап отмены имитационной буржуазной эстетики. Он основывался на принципах эстетических и экономических. Представления же рубежа XX-XXI веков во многом опираются на новые этические теории. В этом состоит принципиальное различие. Меняется представление об отвратительном, избыточном, антисоциальном.

В полифонии увлечений всеобщим замедлением: медленная жизнь, медленные города, медленная эстетика, медленная визуальность — можно расслышать и редкие голоса критиков. Критическая теория позволяет объемнее увидеть сам предмет исследования и показывает новые методы его анализа. Медленная визуальная среда и практики ее проектирования — относительно новый объект рефлексии, но уже имеющий своих адептов и достаточное количество специальных исследований, в том числе и критических [12]. Прежде других критическое отношение вызывает сама возможность реализации права на совместное проживание и совместное пользование визуальным ландшафтом. Поэтому те, кто не до конца верит в архитектурную возможность реализации принципов медленной жизни на практике, прощают им судьбу отдельных, но незначительных проектов.

Появление теории «медленной архитектуры» не следует понимать как указание в прямом репрезентативном смысле, тем более в пропозициональном. Архитектура — это не язык. Скорее, архитектура вызывает к жизни способы мышления о мире, которые иначе недоступны; это особый способ мышления, несводимый к другим способам мышления — размышляющий. И его мыслительные образы имеют не мень-

шее отношение к реальности, чем философские. Таким образом, этот способ является не представлением, а эманацией — проявлением мира, который существует, но еще не актуализирован. В новой архитектурной философии замедления содержится эпистемологическое утверждение: мы узнаем что-то о мире через архитектурное событие.

Список литературы

1. Иконников, А.В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. М.: КомКнига, 2006. — 352 с.
2. Колесникова, Д.А., Савчук, В.В. Визуальная экология как дисциплина // Вопросы философии. 2015. №. 10. С. 41-50.
3. Лефевр, А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. — 432 с.
4. Николаева, Ж.В. «Медленная» визуальная среда в городских ландшафтах. // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. Т. 4 №. 3, С. 85-99. DOI 10.46539/gmd.v4i3.314.
5. Николаева, Ж.В. Slow Life. Новая философия неспешности // *Обсерватория культуры*. 2016. Т. 1. №. 1. С. 24-30.
6. Николаева, Ж.В. «Медленная архитектура» между экономикой и искусством // *Экономика vs искусство: сборник тезисов X Международной конференции*: [Электронное издание]. Санкт-Петербург: Астерион, 2022. С. 46-47.
7. Росси, А. Архитектура города. М.: Strelka Press, 2015. — 264 с.
8. Фуко, М. Другие пространства. // *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. М.: Праксис, 2006. С. 191-204.
9. Харви, Д. Право на город // *Логос*. 2008. № 3 (66). С. 80-94.
10. Barison, M. L'Antropocene architetonico. Sulla formazione di mondo. // *Aesthetica Preprint*, (114), 2020. Pp. 79–97. <https://doi.org/10.7413/0393-8522042>.
11. Baudrillard, J., Nouvel, J. Les objets singuliers. *Architecture et philosophie*. Paris: Calmann-Lévy, 2000. — 125 p.
12. Fischer, O.W. Slow Architecture? The Myth of Local Resistance to Globalization in Architecture: A Critique. // *ACSA Local Identities Global Challenges Fall Conference Proceedings*. 2011. Pp. 141–146. URL: <https://www.acsa-arch.org/chapter/slow-architecture-the-myth-if-local-resistance-to-globalization-in-architecture-a-critique/>. (доступен 25.06.2023).

13. Gattupalli, A. Slow Architecture: Intentional Design for the 21st Century. Arch-Daily. 16 Jan 2023. URL: <https://www.archdaily.com/995043/slow-architecture-intentional-design-for-the-21st-century>. (Accessed 10.08.2023.)
14. Official Website of the Slow City Association: Cittaslow International. URL: www.cittaslow.org. (Accessed: 30.06.2023.)
15. Parkins, W., Craig, G. Slow Living. Oxford; New York: Berg. 2006. — 180 p.
16. Petrini, C. Slow Food Nation: Why our Food Should Be Good, Clean, and Fair. Milano: Rizzoli, 2013. — 272 p.
17. Rampini, F. Slow economy: rinascere con saggezza. Milano: Edizioni Mondadori, 2009. — 204 p.
18. Shue, H. The Pivotal Generation: Why We Have a Moral Responsibility to Slow Climate Change Right Now. Princeton: Princeton University Press, 2022. — 208 p.
19. Strauss, C.F., Fuad-Luke, A. The Slow Design Principles. A new interrogative and reflexive tool for design research and practice. // Changing the change. Design Visions, Proposals and Tools. An international conference on the role and potential of design research in the transition towards sustainability. Torino, 10th - 11th - 12th July 2008. URL: http://www.cct.umb.edu/611/files/StraussCtC_SlowDesignPrinciples.pdf. (Accessed 10.08.2023.)

References

1. Ikonnikov, A.V. *Prostranstvo i forma v arkhitekture i gradostroitel'stve* [Space and Form in Architecture and Urban Planning]. Moscow: KomKniga; 2006. — 352 c.
2. Kolesnikova, D.A., Savchuk, V.V. Visual Ecology as a Discipline. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 2015. No 12. Pp. 41-50.
3. Lefebvre, H. *Proizvodstvo prostranstva* [Production of the Space]. Moscow: Strelka Press; 2015.
4. Nikolaeva, Zh.V. "Slow" Visual Environment in the Urban Landscapes. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2022. Vol. 4 No. 3, pp. 85-99. DOI 10.46539/gmd.v4i3.314.
5. Nikolaeva, Zh.V. Slow Life. A New Philosophy of Slowness. *Observatoria kul'tury*. [Observatory of Culture], 2016. Vol. 1. No. 1. Pp. 24-30.
6. Nikolaeva, Zh.V. «Medlennaiia arkhitektura» mezhdū ekonomikoī i iskusstvom [Slow Architecture between Economy & Art]. *Ekonomika vs iskusstvo: sbornik*

Николаева Ж. В.
Этико-социальные основания выбора
визуальных критериев медленной архитектуры

- tezisov k Mezhdunarodnoi konferentsii* [Economics vs Art: A Collection of Abstracts for an International Conference.] Sankt-Peterburg: Asterion, 2022. Pp. 46-47.
7. Rossi, A. Arhitektura goroda. [Architecture of the City]. Moscow: Strelka Press; 2015.
 8. Foucault, M. Drugie Prostranstva [Other Spaces]. *Intellectuals and Power: Selected political articles, speeches and interviews*. Moscow: Praxis, 2006. Pp. 191-204.
 9. Harvey, D. Pravo na gorod [The Right to the City]. *Logos*. 2008. No. 3 (66). Pp. 80-94.
 10. Barison, M. L'Antropocene architettonico. Sulla formazione di mondo. *Aesthetica Preprint*, (114), 2020. Pp. 79–97. <https://doi.org/10.7413/0393-8522042>.
 11. Baudrillard, J., Nouvel, J. Les objets singuliers. *Architecture et philosophie*. Paris: Calmann-Lévy; 2000.
 12. Fischer, O.W. Slow Architecture? The Myth of Local Resistance to Globalization in Architecture: A Critique. *ACSA Local Identities Global Challenges Fall Conference Proceedings*. 2011. Pp. 141–146. URL: <https://www.acsa-arch.org/chapter/slow-architecture-the-myth-if-local-resistance-to-globalization-in-architecture-a-critique/>. (Accessed 25.06.2023).
 13. Gattupalli, A. Slow Architecture: Intentional Design for the 21st Century. *Arch-Daily*. 16 Jan 2023. URL: <https://www.archdaily.com/995043/slow-architecture-intentional-design-for-the-21st-century>. (Accessed 10.08.2023.)
 14. Official Website of the Slow City Association: Cittaslow International. URL: www.cittaslow.org (Accessed: 30.06.2023.)
 15. Parkins, W., Craig, G. *Slow Living*. Oxford; New York: Berg; 2006.
 16. Petrini, C. *Slow Food Nation: Why our Food Should Be Good, Clean, and Fair*. Milano: Rizzoli; 2013.
 17. Rampini, F. *Slow economy: rinascere con saggezza*. Milano: Edizioni Mondadori; 2009.
 18. Shue, H. *The Pivotal Generation: Why We Have a Moral Responsibility to Slow Climate Change Right Now*. Princeton: Princeton University Press; 2022.
 19. Strauss, C.F., Fuad-Luke, A. The Slow Design Principles. A new interrogative and reflexive tool for design research and practice. *Changing the change. Design Visions, Proposals and Tools. An international conference on the role and potential of design research in the transition towards sustainability. Torino, 10th - 11th - 12th July 2008*. URL: http://www.cct.umb.edu/611/files/StraussCtC_SlowDesignPrinciples.pdf. (Accessed 10.08.2023.)

ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА

APPLIED ETHICS

[Пустая страница]

[This page intentionally left blank]

Дискурсы этики. 2023, 3(19): 31—52

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2024/04/DE2023_3_19_31-52.pdf

УДК 17

ЛИБЕРАЛИЗМ, ПАТЕРНАЛИЗМ И АВТОНОМИЯ

Морозов К. Е.

статья:

поступила в редакцию 30.11.2023

принята к публикации 26.12.2023

опубликована (онлайн) 17.04.2024

© Морозов Константин Евгеньевич

аспирант кафедры этики философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

адрес для корреспонденции: lovecraft.wittgenstein@gmail.com

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. Либерализм и патернализм часто рассматриваются как несовместимые на том основании, что либерализм признаёт автономию высшей ценностью, а патернализм ограничивает автономию ради более ценных благ, таких как здоровье и безопасность. Эта статья предлагает аргумент в пользу совместимости либерализма и патернализма. В основе аргумента лежит философское различие между обладанием автономией и осуществлением автономии. Второй способ защиты автономии действительно несовместим с патернализмом, но первый оправдывает патернализм, когда его целью является ограничение выборов, сокращающих чью-либо автономию. Приводится модифицированная версия вуали неведения Джона Ролза, которая обосновывает предпочтение обладания автономией перед осуществлением автономии. Затем рассматриваются и анализируются практические следствия такой формы либерального патернализма на трёх

примерах: добровольная продажа самого себя в рабство, зависимость от опиоидных наркотиков и соблюдение мер безопасности при движении на дороге (ремень безопасности, мотоциклетный шлем). Представленный аргумент обеспечивает обоснование либерального патернализма, которое не опирается ни на какую спорную или перфекционистскую концепцию блага, а потому совместимо с классической интерпретацией либерального нейтралитета. В завершении рассматривается совместимость предложенного аргумента с другими версиями либерального патернализма, включая перфекционистский, уважительный, кантианский, либертарианский и леволибертарианский патернализм. Делается вывод о том, что все версии, за исключением леволибертарианской, совместимы с описанным обоснованием, тогда как леволибертарианский патернализм Питера Валлентайна страдает от внутренней непоследовательности.

Ключевые слова: автономия, права, свобода, либерализм, перфекционизм, патернализм, благо.

Discourses of Ethics. 2023, 3(19): 31—52

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2024/04/DE2023_3_19_31-52.pdf

LIBERALISM, PATERNALISM, AND AUTONOMY

Morozov Konstantin

received 30.11.2023

accepted 26.12.2023

published (online) 17.04.2024

© Konstantin E. Morozov

PhD Student of the Department of Ethics, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Correspondence to: lovecraft.wittgenstein@gmail.com

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract. Liberalism and paternalism are often seen as incompatible on the grounds that liberalism recognizes autonomy as the highest value, while paternalism limits autonomy for the sake of more valuable goods such as health and safety. This article offers an argument for the compatibility of liberalism and paternalism. At the heart of the argument is the philosophical distinction between having autonomy and exercising autonomy. The second way of defending autonomy is indeed incompatible with paternalism, but the first justifies paternalism when its purpose is to limit choices that reduce one's autonomy. A modified version of John Rawls's veil of ignorance is presented to justify the preference for having autonomy over exercising autonomy. The practical consequences of this form of liberal paternalism are then examined and analyzed using three examples: voluntary sale of oneself into slavery, addiction to opioid drugs, and compliance with road safety measures (seat belt, motorcycle helmet). The argument presented provides a justification for liberal paternalism that does not rely

on any controversial or perfectionist conception of the good, and is therefore compatible with the classical interpretation of liberal neutrality. It concludes by considering the compatibility of the proposed argument with other versions of liberal paternalism, including perfectionist, respectful, Kantian, libertarian, and left-libertarian paternalism. The conclusion is that all versions except the left-libertarian one is compatible with the justification described, while Peter Vallentyne's left-libertarian paternalism suffers from internal inconsistency.

Keywords: autonomy, rights, freedom, liberalism, perfectionism, paternalism, good.

Одним из ключевых понятий современной этики является автономия. Существует множество различных подходов к определению автономии. Часто автономия понимается как ответственное самоавторство: человек автономен тогда, когда сам является автором своей жизни [18, с. 230]. Это подразумевает способность самостоятельно выбирать цели в своей жизни и средства для их достижения. Автономия, понятая таким образом, играет центральную роль в политической философии либерализма, разнообразные теоретики которого, от Иммануила Канта до Джона Стюарта Милля, видели в защите автономии главную задачу либеральных правовых и политических институтов¹.

Патернализм, в свою очередь, определяется как вмешательство в автономию человека ради его собственного блага, в силу чего автономия и патернализм рассматриваются как несовместимые или конфликтующие ценностные ориентации [18, с. 233-234]. И в той мере, в которой либерализм привержен автономии, патернализм рассматривается как антилиберальная политика. Действительно, как кажется, если политические институты должны защищать способность людей самостоятельно выбирать цели в своей жизни, то было бы неправильно использовать эти институты, чтобы ограничивать эту способность

¹ Однако многие определяют негативную свободу, а не автономию, как центральную политическую ценность либерализма. Тем не менее здесь мы избегаем определения либерализма через концепцию негативной свободы по двум причинам. Во-первых, в философской литературе по сей день сохраняются значительные разногласия насчёт того, как надлежит понимать негативную свободу [15]. Во-вторых, негативная свобода является необходимым, но недостаточным условием защиты автономии [18, с. 231]. Если негативная свобода имеет ценность, то её лучше рассматривать как инструментальную и подчинённую более всеобъемлющей ценности автономии, поскольку в отрыве от последней сложно понять, как может быть обоснована самостоятельная и независимая ценность негативной свободы.

ради достижения какой-то цели, которую сам человек перед собой не ставил.

Такой взгляд о несовместимости либерализма и патернализма является доминирующим [20, с. 71; 25, с. 86; 29, с. 169]. Тем не менее различные теоретики предложили несколько различных версий либерального патернализма. Майкл Чолби сформулировал теорию кантинского патернализма, согласно которой нельзя вмешиваться в автономию человека определять цели в своей жизни, но можно вмешиваться в автономию в процессе достижения этих целей, поскольку дефекты человеческой рациональности могут вести к тому, что люди будут выбирать неоптимальные средства для достижения рационально выбранных целей [12; 13].

Касс Санштейн и Ричард Талер совместно разработали теорию наджа (подталкивания) или либертарианского патернализма [31; 32]. Как и классический патернализм, надж предполагает, что есть блага, которые для каждого было бы лучше преследовать, такие как здоровье и безопасность, даже если сам человек не совершает выбора в пользу преследования таких благ. Однако либеральный аспект наджа состоит в том, что он ограничивает те способы, которыми государство или любой другой патерналистичный агент может вмешиваться в автономию людей. В частности, сторонники наджа предлагают косвенно воздействовать на условия выбора, чтобы *подтолкнуть* человека к правильному выбору, не ограничивая саму автономию его выбора.

Ещё одну версию либертарианского патернализма разрабатывает Питер Валлентайн [34; 35]. Его концепция предполагает, что основное моральное обязательство всех людей — это уважение чужого автономного выбора. Однако в тех случаях, когда человек не говорит явно о том, в чём состоит его выбор, для других может быть оправдано вмешиваться в его жизнь без согласия, чтобы содействовать его благу. Валлентайн приводит в качестве примера человека, который стоит на проезжей части и которого вот-вот сойдёт стремительно несущийся автомобиль [35, с. 193]. Даже если человек не успеет дать согласие или попросить о помощи, для окружающих будет оправдано оттолкнуть этого человека, исходя из того, что это было бы хорошо для са-

мого человека. Аналогичным образом в ограниченном количестве случаев, считает Валлентайн, патернализм будет оправдан даже для жёстких либертарианцев.

Ещё одну версию либерального патернализма разрабатывает Ричард Арнесон [6; 7; 8; 9; 36]. Аргумент Арнесона в пользу патернализма опирается на две сущностные предпосылки: эгалитаризм и перфекционизм. Первая утверждает, что целью либерального государства является содействие равенству между его гражданами в их способностях жить хорошей, ценной и благополучной жизнью. Вторая утверждает, что существует объективный стандарт процветающей и благополучной жизни для людей. Если обе предпосылки верны, то содействие равенству между людьми предполагает необходимость вмешательства в выбор тех людей, чьи способности к рациональному выбору и планированию хуже, чтобы содействовать большему равенству их жизненных условий с теми, у кого эти способности развиты в лучшей мере².

Другой эгалитарный аргумент в пользу патернализма предложила Вики Мёллер Лингби Педерсен [23; 24]. Она называет свою позицию «уважительный патернализм», основывая её на теории реляционного эгалитаризма. Согласно этой концепции, задачей либерального государства является создание такого положения дел, при котором люди будут относиться друг к другу как равные, что включает отношения взаимного уважения и признания. В некоторых ситуациях, как кажется, это противоречит патернализму, но Педерсен предполагает, что иногда взаимоуважение требует патерналистического вмешательства в автономию другого, когда осуществляющий вмешательство человек разумно предвидит, что действия другого нанесут ему самому вред.

Таким образом, в литературе существует немало теорий, которые предлагают то или иное либеральное обоснование патернализма. Некоторые пытаются примирить либерализм и патернализм, ограничив диапазон средств, доступный для осуществления патерналистской

² Финансовое положение человека влияет на уровень этих способностей [1, с. 43, 189].

политики. Другие предлагают более обширные теории блага, которые не ограничиваются ценностью автономии. Третьи пытаются предложить условия, при которых некоторые патерналистские вмешательства не будут квалифицированы как нарушение автономии. Цель этой статьи — предложить ещё один аргумент в пользу либерального патернализма, который не использовал бы ни одну из этих трёх тактик (хотя они могут рассматриваться как взаимодополняющие).

Довод, который будет предложен ниже, мы можем назвать «аргументом от обладания автономией». Он не предполагает ни ограничения средств, с помощью которых может осуществляться патерналистская политика, ни широкую концепцию блага, ни особые условия для допустимости патерналистской политики. Это не значит, что представленный ниже аргумент будет обосновывать все те меры и ограничения, которые ассоциируются с классическим патернализмом. Однако этот аргумент призван продемонстрировать, что либеральное государство может оправдано заниматься патерналистской политикой в широком ряде контекстов.

Начать изложение этого аргумента можно с одного спорного вопроса для либеральной теории: «Может ли человек в свободном обществе добровольно продать себя в рабство?». Все либералы выступают против принудительного рабства, когда против человека используются сила, угрозы или принуждение, чтобы заставить его быть рабом для кого-то другого, поскольку такая форма рабства явно противоречит ценности автономии. Раб не может самостоятельно выбирать цели в своей жизни и средства их достижения, будучи собственностью другого человека и будучи подчинённым его воле и его целям, в сущности, являясь средством для достижения чужих целей.

Однако вопрос касается не таких исторически распространённых случаев рабства. Речь идёт о добровольном или контрактном рабстве, когда один человек без насилия, угроз или принуждения самостоятельно соглашается продать себя в рабство другому и заключает с ним рабский контракт. Некоторые либеральные философы утверждали, что уважение к чужой автономии требует признания права на добровольную продажу самого себя в рабство, включая Роберта Нозика

[3, с. 403], Уолтера Блока [11], Стивена Кершнара [19], Майкла Оцуку [22, с. 122-123], Гиллеля Штайнера [30, с. 232-234] и Питера Валлентайна [33, с. 3-4]. Но этот ответ создаёт определённую двусмысленность: в каком смысле сторонники добровольного рабства говорят о защите автономии, если раб, даже если он продал себя в рабство добровольно, лишён всякой автономии?

Эта двусмысленность возникает из-за того, что существует два различных способа защиты автономии — защита *обладания* автономией и защита *осуществления* автономии [17, с. 50; 33, с. 4]. Если конечной целью либеральных политических институтов является защита осуществления автономии, то они должны признавать рабские контракты, потому что отказ от обладания автономией — это способ её осуществления. Признание ценности осуществления автономии предполагает, что никто не должен вмешиваться в автономный выбор человека, даже когда он совершает выбор против обладания им какой-либо автономией в будущем. Напротив, если конечная забота либерализма — это защита обладания автономией, то задача либеральных институтов — содействовать такому положению дел, при котором как можно больше людей будут обладать как можно большей автономией. Признание ценности обладания автономией предполагает, что такое положение дел, при котором кто-то отказывается от своей способности самостоятельно выбирать цели в жизни, является нежелательным, даже если этот отказ сам по себе является проявлением автономии.

Таким образом, либералы должны признать конечной политической ценностью либо максимизацию обладания автономией, либо защиту конкретных актов осуществления автономии. На первый взгляд, здесь невозможен никакой рациональный выбор между двумя альтернативами, потому что выбор между обладанием и осуществлением автономии зависит от разрешения более фундаментальных ценностных вопросов, от которых либерализм в своих нейтральных разновидностях стремится дистанцироваться. Однако мы могли бы показать, что этот выбор может быть совершён людьми без отсылки к их всеобъем-

лющим концепциям блага, а потому предпочтение одной из альтернатив возможно в рамках нейтральных форм либерализма, таких как теории Рональда Дворкина [14], Джеральда Гауса [16], Марты Нусбаум [21] или Джона Ролза [27].

Для демонстрации мы можем обратиться к одному из самых известных мысленных экспериментов в либеральной теории — вуали неведения Ролза [4, с. 122]. Представим, что мы как организованное сообщество должны договориться об общих принципах справедливости для всех. В ситуации обычного обсуждения возможность прийти к консенсусу сильно ограничивает тот факт, что в плюралистических обществах, таких как наше, люди не согласны друг с другом по фундаментальным ценностным вопросам. Одни люди ценят обладание широкой автономией, но другие не придают автономии большого значения. Как мы могли бы выработать принципы, которые способствовали бы нашей эффективной кооперации, ограничивали наши эгоистичные устремления беспристрастными общими правилами и были бы нейтральны между нашими конкурирующими концепциями блага?

Ролз предлагает представить, что у нас есть вуаль неведения, надевая которую мы забываем о своей собственной идентичности, включая и разделяемые нами ценности. Находясь за вуалью неведения, мы всё ещё помним, что наша цель — договориться о каких-то общих принципах справедливости. Мы также помним некоторые важные факты о том, как работает общество и мир вокруг нас. Поэтому мы можем спрогнозировать, как выбранные нами принципы скажутся на различных группах людей, но не можем спрогнозировать, в какой группе окажемся мы и, таким образом, как эти принципы скажутся на нас лично. Если бы мы могли выбирать принципы справедливости, находясь за вуалью неведения, то мы выбрали бы беспристрастные принципы, которые были бы выгодны для всех и которые давали бы всем реальную возможность жить той концепцией хорошей жизни, которую каждый сам для себя выбрал. Соответственно, за вуалью неведения мы выбрали бы *либеральные* принципы справедливости, которые наделяют всех людей значительной автономией [4, с. 223]. Но будут ли эти принципы защищать обладание или реализацию автономии?

Чтобы ответить на этот вопрос, модифицируем мысленный эксперимент Ролза следующим образом. Сначала мы как организованное сообщество выбираем принципы справедливости за вуалью неведения в первый раз. Затем, спустя время, процедура повторяется. Мы снова надеваем вуаль неведения и снова должны договориться о том, каковы будут принципы справедливости для нашего общества. Вне всяких сомнений, если ролзовские допущения о практической рациональности верны, то наш выбор и в первом, и во втором обсуждении падёт на одни и те же принципы. Но вторая процедура нужна, чтобы проверить, какая из концепций автономии лучше соответствует выбранным за вуалью принципам.

Так, надевая вуаль неведения во второй раз мы забываем, во-первых, те принципы, которые были приняты нами при первом обсуждении, и, во-вторых, наши собственные жизненные решения, принятые нами после реализации выбранной нами концепции справедливости. В таком случае человек за вуалью неведения встаёт перед следующей проблемой: при первом обсуждении нами могла быть принята такая концепция справедливости, которая допускает добровольную продажу самого себя в рабство, а сам человек может оказаться тем, кто продал себя в рабство другому. Зная о рисках подобной ситуации, каждый будет заинтересован в том, чтобы настаивать на тех принципах справедливости, которые исключили бы контрактное рабство. Прошлые примеры реализации автономии не имеют для человека за вуалью неведения решающей ценности, а негативные последствия этих решений могут влиять на его жизнь и после снятия вуали. Поэтому каждый будет заинтересован не в тех принципах, которые будут защищать прошлые примеры реализации автономии, а в тех принципах, которые будут защищать фактическое обладание каждой автономией после того, как вуаль будет снята. Поэтому при повторном голосовании люди за вуалью выберут (фактически подтвердят) те принципы, которые защищают обладание, но не осуществление автономии.

В данном случае обладание автономией не является компонентом какой-либо спорной концепции блага. Люди за вуалью вполне могут допускать, что при снятии вуали они окажутся сторонниками той концепции блага, которая не придаёт значительного веса автономии. И принципы, ориентированные на защиту обладания автономией, вовсе не будут запрещать людям практиковать такие концепции блага. Скорее, обладание автономией является одним из первичных социальных благ [4, с. 68], то есть таких инструментальных благ, которые необходимы всем людям независимо от их представлений о базовых (самоценных) благах. Ведь обладание автономией позволяет людям жить так, как они сами захотят прожить свою жизнь, не предписывая им какого-то конкретного жизненного сценария. Поэтому реализовывать свою автономию люди смогут в том числе такими способами, которые, с точки зрения их концепции блага, предполагают отказ от автономии в пользу каких-то более ценных благ. Но то, что будет запрещено такими принципами справедливости, так это фактическое лишение себя обладания автономией. Человек, который живёт той концепцией блага, которая не признаёт ценность автономии, может в любой момент изменить свои представления о благе и начать жить по-другому. Но тот человек, который принял решение отказаться от своей автономии, как это делает контрактный раб, не способен изменить своего решения в принципе или, по крайней мере, без значительных издержек.

Определив защиту обладания автономией как центральную цель либеральных политических институтов, мы могли бы сформулировать либеральный аргумент в пользу патернализма:

1. цель либерализма — защита обладания автономией;
2. иногда защита обладания автономией требует вмешательства в акты осуществления автономии;
3. вмешательство в акты осуществления автономии является патернализмом;
4. из 2 и 3 следует, что иногда защита обладания автономией требует патернализма;
5. из 1 и 4 следует, что иногда цель либерализма можно реализовать патерналистскими мерами.

Посылка 1 была обоснована нами с помощью модифицированной версии вуали неведения Ролза. Посылка 3 верна по определению, представленному ранее в статье. Посылка 2 может быть защищена ссылками на конкретные примеры, когда конкретные акты осуществления автономии ведут к подрыву обладания автономией, а потому ограничение возможностей выбора будет необходимо для сохранения самой возможности выбора или её более широкой степени. Парадигмальный пример, рассмотренный ранее — это добровольная продажа себя в рабство. Нозик и другие сторонники контрактного рабства верно подмечают, что запрет таких рабских контрактов является патерналистским, потому что ограничивает выбор человека ради его собственного блага. Но благом в данном случае является сама защита автономии, а потому ссылки на её ценность не могут обосновать, почему такое вмешательство в автономию является недопустимым.

Тем не менее контрактное рабство является не единственным примером, когда защита обладания автономией оправдывает патерналистские меры. Ряд примеров классической патерналистской политики может рассматриваться таким образом. Например, классические патерналисты поддерживают запрет на продажу определённых психоактивных веществ на основании заботы о физическом и психическом здоровье людей. Либеральные противники подобных запретов часто ссылаются на автономию как на основание, почему такая патерналистская забота о здоровье людей неуместна: люди должны иметь право самостоятельно решать, что они будут делать со своим телом, даже если они выберут то, что наносит вред их телу.

Но патерналистские запреты психоактивных веществ или другого рода ограничения их распространения могут быть обоснованы заботой не о здоровье, а об автономии. Ведь человек, находящийся в состоянии наркотической зависимости, обладает меньшей автономией. Зависимый от опиоидных наркотиков человек ограничен в своей способности самостоятельно выбирать цели своей жизни и средства их достижения, поскольку из-за абстинентного синдрома он будет вынужден тратить значительное количество денег на приобретение новых доз

наркотика, а не, например, откладывать деньги на получение высшего образования или свадьбу со своей возлюбленной.

Ещё один пример классического патернализма — законы, обязывающие пристёгивать ремни безопасности в автомобиле или надевать шлем при езде на мотоцикле. Классическое обоснование таких норм — забота о безопасности и физическом здоровье человека, которые признаются более ценными благами, чем автономия человека самостоятельно определять, как он будет обеспечивать свою безопасность на дороге. Однако либеральные патерналисты могли бы обосновать такие ограничения, ссылаясь на тот факт, что больший риск физических травм влечёт за собой больший риск утраты или значительного сокращения автономии. И поскольку цель либерального государства — содействовать более широкому обладанию автономией, то для государства оправдано обеспечивать такие ограничения, которые значительно снижают риски утраты или сокращения автономии.

Таким образом, если первые три посылки верны, то обоснованы как промежуточный вывод о том, что защита обладания автономией требует патерналистской политики, так и конечный вывод о том, что патерналистская политика может быть либеральной. Однако стоит признать некоторые ограничения этого вывода. Во-первых, этот аргумент оправдывает лишь ограниченный перечень патерналистских мер, которые направлены на защиту обладания автономией. Этот аргумент ничего не говорит в пользу тех случаев патернализма, когда сложно установить прямую каузальную связь между действиями, которые патерналисты хотели бы ограничить, и последующей утратой или сокращением автономии. Так, не существует столь же прямой каузальной связи между употреблением сахаросодержащих продуктов и последующим развитием заболеваний, которые бы значительно ограничивали способность человека самостоятельно выбирать цели в жизни и средства их достижения. Поэтому представленный аргумент не влечёт за собой обоснования таких форм патернализма.

Во-вторых, этот аргумент ничего не говорит о том, что является базовым благом для человека. Обладание автономией рассматривается здесь не как самостоятельное базовое благо, достойное защиты и ре-

ализации³, а как инструментальное благо, необходимое для реализации любой разумной концепции блага. Поэтому данный аргумент нельзя отвергнуть на том основании, что он противоречит либеральному нейтралитету между разумными концепциями блага или приоритету индивидуальных прав перед перфекционистскими ценностями.

В-третьих, данный аргумент ничего не говорит о том, насколько ограниченной является человеческая рациональность. Как кажется, предпосылка об ограниченной рациональности важна для предложенного аргумента, чтобы объяснить, почему некоторые люди совершают выбор против обладания автономией, хотя сохранение этой способности необходимо для реализации любой концепции блага, какую бы они перед собой не ставили. Это верно, но этот аргумент ничего не говорит о том, насколько рациональны люди в выборе средств для достижения собственных рационально выбранных целей, когда речь не идёт об обладании автономией.

В-четвёртых, данный аргумент ничего не говорит и о том, какими конкретными методами должен осуществляться либеральный патернализм. В примере с контрактным рабством это оправдывает жёсткий запрет, но в других ситуациях более мягкие формы патерналистского вмешательства могут быть более эффективными. Таким образом, этот аргумент совместим с презумпцией в пользу мягкого патернализма по двум основаниям: из соображений эффективности и из соображений самой автономии. Первое соображение указывает на тот факт, что иногда более эффективным способом содействовать более широкой автономии является косвенное воздействие, а не жёсткие ограничения. Второе соображение указывает на тот факт, что если обладание автономией является ценностью, то и её осуществление тоже, поэтому жёсткое вмешательство оправдано лишь в исключительных случаях.

³ Таким образом автономия часто рассматривается в различных версиях либерального перфекционизма, самой известной из которых является теория Йосефа Раза [28]. Аргумент в пользу либерального патернализма, основанный на либеральном перфекционизме, принадлежит Ричарду Арнесону [10].

Несмотря на это, неверно было бы противопоставлять предложенную версию либерального патернализма тем вариациям, которые были рассмотрены в начале статьи. Ведь этот аргумент может рассматриваться как взаимодополняющий. Хотя он не предполагает перфекционистские представления о благе с необходимостью, этот аргумент может сочетаться с подобного рода теориями, которые утверждали бы статус автономии как базового блага⁴. Он также может сочетаться с аргументом, согласно которому люди за вуалью неведения выбрали бы политику в духе кантианского патернализма, потому что это способствует продвижению их собственных рациональных целей. И это также оставляет пространство для того, чтобы отношения взаимного уважения, лежащие в основе либерального нейтралитета, оправдывали сочетание защиты обладания автономией с уважительным патернализмом.

Проблему представляет лишь сочетание предложенного аргумента с леволибертарианским патернализмом Валлентайна, поскольку он делает акцент на осуществлении автономии, а не обладании ею [33, с. 4]. Однако сторонник обладания автономией мог бы предложить двустороннее возражение против леволибертарианского патернализма. С одной стороны, он мог бы отсылать к тому факту, что защита обладания автономией, как показывает модифицированная вуаль неведения, лучше соответствует критериям рефлексивного равновесия, к которому отсылает и сам Валлентайн в своём обосновании леволибертарианского патернализма.

С другой стороны, сторонник обладания автономией также мог бы указать на тот факт, что валлентайновский аргумент в пользу патернализма допускает непоследовательность в своём описании того, что есть благо для человека, потому что пытается сочетать две несовместимые позиции — теорию исполнения желаний и теорию объективно-го списка. В ответ Валлентайн или его сторонник мог бы возразить,

⁴ Например, Джон Финнис разрабатывает теорию консервативного либерального перфекционизма, в рамках которой он относит способность к выбору целей в своей жизни и составлению на их основе рационального жизненного плана к базовому благу практической разумности [5, с. 121-122].

что отстаиваемая ими форма патернализма опирается на теорию информированных желаний [26], сочетающую элементы обеих концепций благополучия. На это, в свою очередь, можно возразить, что в той мере, в какой теория информированных желаний теоретически правдоподобна, она просто редуцируется до теории объективного списка [2]. В той же мере, в которой такая редукция невозможна, теория информированных желаний сохраняет внутреннюю непоследовательность.

Таким образом, либеральная приверженность автономии не является основанием, по которому либералы должны отвергать патернализм. Напротив, в ряде случаев приверженность автономии допускает или даже санкционирует патерналистскую политику, когда ограничение человеческого выбора должно предотвратить ситуацию, которая приведёт к сокращению или утрате кем-либо автономии. Соответственно, граница, разделяющая либералов и сторонников патернализма, значительно более тонкая, чем было принято считать, а политические выводы либерализма не столь радикальны в отношении существующих патерналистских практик, как часто утверждается⁵.

Список литературы

1. Дитон, А. Великий побег: Здоровье, богатство и истоки неравенства. — М.: Изд-во Института Гайдара, Фонд «Либеральная Миссия», 2016. — 368 с.
2. Морозов, К.Е. Почему мораль объективна? // *Insolarance*. 2023. — URL: <https://insolarance.com/objective-morality/> (Дата обращения: 24.11.2023).
3. Нозик, Р. Анархия, государство и утопия. — М.: ИРИСЭН, 2008. — 424 с.

⁵ Я благодарен Александру Разину, Маргарите Солонарь, Василию Устиненко, Тимурю Волжскому, Николаю Некрасову, Кириллу Быкову, Дэвиду Гольдману, Дамиру Дмитриеву и участникам секции «Этика и политика: аксиологические аспекты политических процессов в России и мире» XV Международной конференции «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы — 2023. Разумность. Практичность. Человечность» за полезные комментарии и обсуждения, которые помогли улучшить предыдущие версии этой статьи.

4. Ролз, Дж. Теория справедливости. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. — 500 с.
5. Финнис, Дж. Естественное право и естественные права. — М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012. — 554 с.
6. Arneson, R.J. Egalitarian Perspectives on Paternalism // Grill K., Hanna J. (eds.) *The Routledge Handbook of the Philosophy of Paternalism*. New York: Routledge, 2018. P. 194-205.
7. Arneson, R.J. Nudge and Shove // *Social Theory and Practice*. 2015. Vol. 41 (4). P. 668-691.
8. Arneson, R.J. Paternalism and the Principle of Fairness // Coons, C., Weber, M. (eds.) *Paternalism: Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 135-156.
9. Arneson, R.J. Paternalism, Utility, and Fairness in Egalitarian Ethics // *Revue Internationale de Philosophie*. 1989. Vol. 43 (170). P. 409-437.
10. Arneson, R.J. Perfectionism and Politics // *Ethics*. 2000. Vol. 111 (1). P. 37-63.
11. Block, W.E. Toward a Libertarian Theory of Inalienability: A Critique of Rothbard, Barnett, Smith, Kinsella, Gordon, and Epstein // *Journal of Libertarian Studies*. 2003. Vol. 17 (2). P. 39-86.
12. Cholbi, M.J. Kantian Paternalism and Suicide Intervention // Coons, C., Weber, M. (eds.) *Paternalism: Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 115-134.
13. Cholbi, M.J. Suicide Intervention and Non-Ideal Kantian Theory // *Journal of Applied Philosophy*. 2002. Vol. 19 (3). P. 245-259.
14. Dworkin, R. *A Matter of Principle*. Oxford: Oxford University Press, 1986. — 425 p.
15. Garnett, M. Prevention, Coercion, and Two Concepts of Negative Liberty // McBride, M., Kurki, V.A.J. (eds.) *Without Trimmings: The Legal, Moral, and Political Philosophy of Matthew Kramer*. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 223-238.
16. Gaus, G.F. Moral Foundations of Liberal Neutrality // Christiano, T., Christman, J. (eds.) *Contemporary Debates in Political Philosophy*. Oxford: Willey-Blackwell, 2009. P. 79-98.
17. Grunebaum, G.O. Autonomous Ownership // Vallentyne, P., Steiner, H. (eds.) *Left-Libertarianism and Its Critics: The Contemporary Debate*. London: Palgrave, 2000. P. 48-73.
18. Holm, S. Autonomy // Chadwick, R.F. (ed.) *Encyclopedia of Applied Ethics*. London: Academic Press, 2012. P. 229-236.
19. Kershnar, S. A Liberal Argument for Slavery // *Journal of Social Philosophy*. 2003. Vol. 34 (4). P. 510-536.

20. Mack, E. In Defense of the Jurisdiction Theory of Rights // *The Journal of Ethics*. 2000. Vol. 4 (1-2). P. 71-98.
21. Nussbaum, M.C. Perfectionist Liberalism and Political Liberalism // *Philosophy and Public Affairs*. 2011. Vol. 39 (1). P. 3-45.
22. Otsuka, M. *Libertarianism without Inequality*. Oxford: Clarendon Press, 2004. — 158 p.
23. Pedersen, V.M.L. In Defense of Age-Differentiated Paternalism // Bognar, G., Gosseseries, A. (eds.) *Ageing without Ageism? Conceptual Puzzles and Policy Proposals*. Oxford: Oxford University Press, 2023. P. 41-52.
24. Pedersen, V.M.L. *Respectful Paternalism* // *Law and Philosophy*. 2021. Vol. 40 (4). P. 419-442.
25. Quong, J. *Liberalism without Perfection*. Oxford: Oxford University Press, 2011. — 352 p.
26. Railton, P. *Moral Realism* // *Philosophical Review*. 1986. Vol. 95 (2). P. 163-207.
27. Rawls, J. *Political Liberalism*. New York: Columbia University Press, 1993. — 464 p.
28. Raz, J. *The Morality of Freedom*. Oxford: Clarendon Press, 1986. — 435 p.
29. Shafer-Landau, R. *Liberalism and Paternalism* // *Legal Theory*. 2005. Vol. 11 (3). P. 169-191.
30. Steiner, H. *An Essay on Rights*. London: Willey-Blackwell, 1994. — 352 p.
31. Sunstein, C.R., Thaler, R.H. *Libertarian Paternalism Is Not an Oxymoron* // *University of Chicago Law Review*. 2003. Vol. 70 (4). P. 1159-1202.
32. Sunstein, C.R., Thaler, R.H. *Nudge: Improving Decision About Health, Wealth, and Happiness*. London: Penguin Books, 2009. — 312 p.
33. Vallentyne, P. Introduction: Left-Libertarianism – A Primer // Vallentyne, P., Steiner, H. (eds.) *Left-Libertarianism and Its Critics: The Contemporary Debate*. London: Palgrave, 2000. P. 1-22.
34. Vallentyne, P. *Libertarian Perspectives on Paternalism* // Grill, K., Hanna, J. (eds.) *The Routledge Handbook of the Philosophy of Paternalism*. New York: Routledge, 2018. P. 182-193.
35. Vallentyne, P. *Libertarianism and the State* // *Social Philosophy and Policy*. 2007. Vol. 24 (1). P. 187-205.
36. Voigt, K. *Paternalism and Equality* // Schramme, T. (ed.) *New Perspectives on Paternalism and Health Care*. Cham: Springer, 2015. P. 87-100.

References

1. Deaton, A. *Velikiĭ pobeg: Zdorov'e, bogatstvo i istoki neravenstva* [The Great Escape: Health, Wealth, and the Origins of Inequality]. Moscow: Gaidar Institute Publishing, Liberal Mission Foundation, 2016.
2. Morozov, K.E. *Pochemu moral' ob"ektivna?* [Why is Morality Objective?]. *Insolarance*. 2023. Available from: <https://insolarance.com/objective-morality/> [Accessed 24th November 2023].
3. Nozick, R. *Anarkhiia, gosudarstvo i utopiia* [Anarchy, State, and Utopia]. Moscow: IRISEN, 2008.
4. Rawls, J. *Teoriia spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Novosibirsk: Novosibirsk University Publishing, 1995.
5. Finnis, J.M. *Estestvennoe pravo i estestvennye prava* [Natural Law and Natural Rights]. Moscow: IRISEN, Mysl', 2012.
6. Arneson, R.J. Egalitarian Perspectives on Paternalism. In: Grill, K., Hanna, J. (eds.) *The Routledge Handbook of the Philosophy of Paternalism*. New York: Routledge, 2018. P. 194-205.
7. Arneson, R.J. Nudge and Shove. *Social Theory and Practice*. 2015. Vol. 41 (4). P. 668-691.
8. Arneson, R.J. Paternalism and the Principle of Fairness. In: Coons C., Weber M. (eds.) *Paternalism: Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 135-156.
9. Arneson, R.J. Paternalism, Utility, and Fairness in Egalitarian Ethics. *Revue Internationale de Philosophie*. 1989. Vol. 43 (170). P. 409-437.
10. Arneson, R.J. Perfectionism and Politics. *Ethics*. 2000. Vol. 111 (1). P. 37-63.
11. Block, W.E. Toward a Libertarian Theory of Inalienability: A Critique of Rothbard, Barnett, Smith, Kinsella, Gordon, and Epstein. *Journal of Libertarian Studies*. 2003. Vol. 17 (2). P. 39-86.
12. Cholbi, M.J. Kantian Paternalism and Suicide Intervention. In: Coons C., Weber M. (eds.) *Paternalism: Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 115-134.
13. Cholbi, M.J. Suicide Intervention and Non-Ideal Kantian Theory. *Journal of Applied Philosophy*. 2002. Vol. 19 (3). P. 245-259.
14. Dworkin, R. *A Matter of Principle*. Oxford: Oxford University Press, 1986.
15. Garnett, M. Prevention, Coercion, and Two Concepts of Negative Liberty. In: McBride, M., Kurki, V.A.J. (eds.) *Without Trimmings: The Legal, Moral, and Political Philosophy of Matthew Kramer*. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 223-238.

16. Gaus, G.F. Moral Foundations of Liberal Neutrality. In: Christiano, T., Christman, J. (eds.) *Contemporary Debates in Political Philosophy*. Oxford: Willey-Blackwell, 2009. P. 79-98.
17. Grunebaum, G.O. Autonomous Ownership. In: Vallentyne, P., Steiner, H. (eds.) *Left-Libertarianism and Its Critics: The Contemporary Debate*. London: Palgrave, 2000. P. 48-73.
18. Holm, S. Autonomy. In: Chadwick R.F. (ed.) *Encyclopedia of Applied Ethics*. London: Academic Press, 2012. P. 229-236.
19. Kershnar, S. A Liberal Argument for Slavery. *Journal of Social Philosophy*. 2003. Vol. 34 (4). P. 510-536.
20. Mack, E. In Defense of the Jurisdiction Theory of Rights. *The Journal of Ethics*. 2000. Vol. 4 (1–2). P. 71-98.
21. Nussbaum, M.C. Perfectionist Liberalism and Political Liberalism. *Philosophy and Public Affairs*. 2011. Vol. 39 (1). P. 3-45.
22. Otsuka, M. *Libertarianism without Inequality*. Oxford: Clarendon Press, 2004.
23. Pedersen, V.M.L. In Defense of Age-Differentiated Paternalism. In: Bognar, G., Gosseries, A. (eds.) *Ageing without Ageism? Conceptual Puzzles and Policy Proposals*. Oxford: Oxford University Press, 2023. P. 41-52.
24. Pedersen, V.M.L. Respectful Paternalism. *Law and Philosophy*. 2021. Vol. 40 (4). P. 419-442.
25. Quong, J. *Liberalism without Perfection*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
26. Railton, P. Moral Realism. *Philosophical Review*. 1986. Vol. 95 (2). P. 163-207.
27. Rawls, J. *Political Liberalism*. New York: Columbia University Press, 1993.
28. Raz, J. *The Morality of Freedom*. Oxford: Clarendon Press, 1986.
29. Shafer-Landau, R. Liberalism and Paternalism. *Legal Theory*. 2005. Vol. 11 (3). P. 169-191.
30. Steiner, H. *An Essay on Rights*. London: Willey-Blackwell, 1994.
31. Sunstein, C.R., Thaler, R.H. Libertarian Paternalism Is Not an Oxymoron. *University of Chicago Law Review*. 2003. Vol. 70 (4). P. 1159-1202.
32. Sunstein, C.R., Thaler, R.H. *Nudge: Improving Decision About Health, Wealth, and Happiness*. London: Penguin Books, 2009.
33. Vallentyne, P. Introduction: Left-Libertarianism – A Primer. In: Vallentyne, P., Steiner, H. (eds.) *Left-Libertarianism and Its Critics: The Contemporary Debate*. London: Palgrave, 2000. P. 1-22.
34. Vallentyne, P. Libertarian Perspectives on Paternalism. In: Grill, K., Hanna, J. (eds.) *The Routledge Handbook of the Philosophy of Paternalism*. New York: Routledge, 2018. P. 182-193.

Морозов К. Е.
Либерализм, патернализм и автономия

35. Vallentyne, P. Libertarianism and the State. *Social Philosophy and Policy*. 2007. Vol. 24 (1). P. 187-205.
36. Voigt, K. Paternalism and Equality. In: Schramme, T. (ed.) *New Perspectives on Paternalism and Health Care*. Cham: Springer, 2015. P. 87-100.

Дискурсы этики. 2023, 3(19): 53—72

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2024/04/DE2023_3_19_53-72.pdf

УДК 17

ПАРАДОКСЫ ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЭТИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ

Большакова А. С.

статья:

поступила в редакцию 22.10.2023

принята к публикации 20.11.2023

опубликована (онлайн) 17.04.2024

© Большакова Анастасия Сергеевна

магистрант Института инновационных образовательных практик (модуль «Цифровая этика»)

Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия

адрес для корреспонденции: nastya_b00@inbox.ru

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. По мере того, как процессы цифровизации (виртуализации) мира набирают обороты, проблема идентичности радикально трансформируется, и феномен цифровой идентичности, сотканный из разнородных цифровых следов, все больше вытесняется из поля технических проблем, становясь центральным в области этического. Конструирование цифровой идентичности, происходящее в виртуальном пространстве (во многом) в отрыве от пользователя и подрывающее классические этические и правовые постулаты, вместо расширения прав и возможностей субъектов ставит их в уязвимое положение, вскрывая проблемы идентификации, суверенности, саморепрезентации, наблюдения, информационных манипуляций и пр. В данной статье была предпринята попытка выявить фундаментальные характеристики цифровой идентичности, обосновать актуальные этические про-

блемы, неотделимые от факта приобретения идентичностью статуса цифровой. *Новизна* исследования заключается, прежде всего, в установлении и анализе текущих (открытых) этических вопросов и противоречий цифровой реальности, возникающих в условиях метаморфоз телесности и идентичности субъекта.

Целью данного исследования является установление и обоснование проблем этики цифровой идентичности.

Задачи исследования:

1. охарактеризовать виртуальность в контексте концепции гетеротопий Мишеля Фуко;
2. описать трансформацию сущностных характеристик понятия «идентичность», выявив основные отличия личностной идентичности в физическом мире от идентичности цифровой;
3. рассмотреть процесс ускользания (устранения) телесности в цифровой среде;
4. проанализировать и обосновать наиболее актуальные этические проблемы, связанные с цифровой идентичностью.

Ключевые слова: идентичность, цифровая идентичность, гетеротопия, виртуальность, телесность.

Discourses of Ethics. 2023, 3(19): 53—72

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2024/04/DE2023_3_19_53-72.pdf

PARADOXES OF DIGITAL IDENTITY: ETHICAL IMPLICATIONS

Bolshakova Anastasia

received 22.10.2023

accepted 20.11.2023

published (online) 17.04.2024

© Anastasia S. Bolshakova

MA student of Institute of Innovative Education Practices («Digital Ethics» Module) of Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

Correspondence to: nastya_b00@inbox.ru

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract. As the processes of digitalization (virtualization) of the world gain momentum, the problem of identity is radically transformed, and the phenomenon of digital identity, woven from heterogeneous digital footprints, is increasingly displaced from the field of technical problems, becoming central in the field of ethical ones. The construction of digital identity, which takes place in virtual space (largely) in isolation from the user and undermines classical ethical and legal postulates, instead of empowering subjects, puts them in a vulnerable position, revealing problems of identification, sovereignty, self-representation, surveillance, informational manipulation, etc. This article has attempted to identify the fundamental characteristics of digital identity, to substantiate the current ethical problems inseparable from the fact that identity has acquired the status of digital identity. *The novelty* of the study lies, first of all, in the establishment and analysis of current (open) ethical is-

sues and contradictions of the digital reality arising in the conditions of metamorphoses of corporeality and identity of the subject.

The aim of this research is to establish and justify the problems of digital identity ethics.

Objectives of the research:

1. to characterize virtuality in the context of Michel Foucault's concept of heterotopias;

2. to describe the transformation of the essential characteristics of the concept of "identity", identifying the main differences between personal identity in the physical world and digital identity;

3. to consider the process of elusiveness (elimination) of corporeality in the digital environment;

4. to analyze and substantiate the most urgent ethical problems related to digital identity.

Keywords: identity, digital identity, heterotopia, virtuality, corporeality.

*«Дело не в том, что невозможно достичь бесконечного; то, что для нас действительно невозможно — это, скорее, полностью избежать его [8]»
А. Зупанчич*

Введение

Процесс цифровизации, продуцирующий параллельные (виртуальные) реальности (и ставящий под сомнение (трансформирующий) привычные аксиологические аспекты бытия, категории идентичности, истины, прогресса), вскрывает и разворачивает головокружительную пропасть между технологическими надеждами (утопиями цифровой прозрачности «во благо») и гуманистическим разочарованием (классический гуманизм, подхваченный «бурным потоком (*антигуманистических ценностей*), в котором несутся щепы цивилизации [3]» мутировал до симулякров гуманизма цифрового).

Цифровой мир несет в себе несколько диспозитивов (сетей между элементами «гетерогенных комплексов, объединяющих дискурсы, учреждения, архитектурные построения, регламентирующие постановления, законы, административные меры, научные достижения, философские, нравственные и благотворительные рассуждения ... [1]»): цифровые законы и правила, открытые или тайные пространства, сообщества фиктивных, ложных личностей, искусственный интеллект. Этот мир в определенном смысле перекликается с миром за пределами пещеры из платоновского мифа, технологии виртуализации подобны теням истины с пещерных сводов, позволяющим людям наблюдать новые образы «идеального» существования. Но зачастую «посреди правильного ускользает истинное [12]», и кажущиеся правильными образы цифрового мира диктуют людям ложные ориентиры, уводя еще дальше от света истины к темноте невежества («человек среди распрямившегося материала становится просто поставителем наличности — он ходит по крайней кромке пропасти, а именно того падения, когда

он сам себя будет воспринимать уже просто как нечто состоящее в наличности ... <> ... на самом деле с самим собой, т. е. со своим существом, человек сегодня как раз нигде уже не встречается [12]». Вся цифровая экзистенция пронизана трансцендентальной иллюзией (Кант), иллюзией, обманывающей на уровне бытия; лакановской видимостью, подобием (*le semblant*).

Виртуальность как синтез гетеротопий

Вероятно, более наглядно, чем аллегория с пещерой, появление виртуальных пространств и их активное влияние на физический мир можно описать в терминах гетеротопологии (гетеротопия, согласно М. Фуко, представляет собой пространство для достижения утопии за пределами привычного мира, сходное игре детского воображения или кораблю, не имеющему конкретного местоположения, но обладающему пространственным определением [18]). Следуя концепции Фуко, стоит отметить, что гетеротопию можно идентифицировать по нескольким признакам: она существовала на протяжении истории во всех обществах (в различных модификациях); любая гетеротопия может разрушиться обществом, смениться новой; может включать в себя другие пространства, другие гетеротопии; она не вечна, может быть временной (опять же, по аналогии с недолговечными фантазматическими мирами, рисуемыми детским воображением); гетеротопия системна, и система может быть как открытого, так и закрытого типа (и тогда для попадания в такое пространство необходимо совершить определенное ритуальное действие); гетеротопия — продуцирование идеального мира (и снова, воображаемого, поэтому существуют гетеротопические миры, в которые каждый может войти только лишь для того, чтобы осознать, что все — иллюзия, и никакого входа на самом деле не было). Так, цифровой мир (Интернет-гиперреальность) — это гетеротопия, воплощающая иные гетеротопические пространства (веб-сайты, виртуальные платформы), отражающая в той или иной степени все описанные Фуко признаки (сменяемость Интернет-пространств (одна версия поглощает другую), для попадания на веб-сайт, необхо-

димы ритуальные действия — ввод паролей, виртуальный мир позиционируется как идеальное пространство (эскапическое), технологии дополненной реальности позволяют ощутить себя в пространстве без физического присутствия. В то же время физическая реальность также является своеобразной гетеротопической игрой, имеющей смысл только с точки зрения тел, которые, воспроизводя различные игры в истину, преобразуют и оспаривают ее. Но в условиях текучей современности (З. Бауман) тело а(в)то(но)мизируется, лишается пространства, становится экранным телом (антителом, нулевым телом, беспространственным телом), игра адресуется не телу, а образу. То, что раньше было реальностью — становится утопией, то, что раньше было телом, становится образом [4]. И в данном контексте актуальным становится вопрос о человеческой идентичности, которая в цифровых реалиях перестает включать в себя идентичность телесную. Возвращаясь к словам М. Хайдеггера из эссе «Вопрос о технике» о том, что со своим существом человек уже нигде не встречается, можно предположить, что в цифровом мире в полном смысле *своим* не может быть уже ничего.

Метаморфозы идентичности

Для начала представляется целесообразным рассмотреть трансформацию понятия идентичность, которое является открытым и динамичным конструктом. У. Джемс под личностной идентичностью подразумевал ощущение настоящности и непротиворечивости субъекта [7], Э. Эриксон — самоподобие и одинаковость в поле воспринимаемости другими (причем, ученый полагал, что идентичность в большей степени неосознаваема [14]), К. Ясперс — осознание собственной активности, единства, непохожести [13]; более современные точки зрения дробят понятие, относя его к структурным, сложным образованиям, конфигурациям, к процессу (Дж. Крогер [22]). Идентичность вплетена в понятия субъектности, телесности, и, в какой-то степени авторства. Утверждение своей реальности (и себя в реальности), свой наличием

сти в бытии (и неповторимости) неотделимо от авторства как категории, традиционно служащей «дисциплинарным знаком легитимности и идеологической конструкцией/выражением суверенного субъекта [14]» и от «исповеди плоти (ритуал дискурса, в котором говорящий субъект является также субъектом высказывания), в которой все должно быть сказано [19]» (М. Фуко). С процессом цифровизации данные переплетения усложняются и перестраиваются. Субъектность становится скорее объектностью, и цифровая этика, в отличие от этики классической имеет дело уже не с субъектом («границей мира [27]» (Л. Витгенштейн)), а с опредмеченностью, объективированной сущностью («кластером данных», «информационным объектом», «дискретным, самодостаточным, инкапсулированным пакетом, содержащим соответствующие структуры данных, которые представляют собой природу рассматриваемой сущности [17]»).

Цифровая идентичность:
децентрализация, множественность, автономность

Но цифровая идентичность формируется под прямым или косвенным воздействием цифровых диспозитивов на физический мир, она не определяется только лишь самим субъектом и социумом. Она (цифровая идентичность) представляет собой гетерогенную «коллекцию цифровых следов» пользователя, собранную добровольно (личный, доступный всем контент — посты, твиты, выложенные в Интернет фото) и произвольно оставленных в сети отпечатков (сведения, основанные на идентификации IP-адреса и функционировании файлов cookie), а также из следов совершенно неподконтрольных, оставленных третьим лицами. Другими словами, цифровая идентичность рассеяна между тремя полюсами, каждый из которых может противоречить выстроенной (или произвольно существующей идентичности) субъекта в физической реальности. Эти полюса в различных исследованиях также обозначаются как декларативная, действующая и вычисляемая идентичности (или как технологическое, реальное и интеллектуальное измерения («совокупность всех продуктов разума, кото-

рые человек создает для развития фиктивной идентичности») рассматриваемого феномена [6]). И если, как правило, идентичность формируется параллельно образу Другого (являющегося залогом осуществления Я-идентичности, ее неотъемлемой составляющей), то цифровая идентичность может выстраиваться, существовать и циркулировать в виртуальном пространстве в практически полном отрыве от ее носителя. Кроме того, она представляет собой постоянное воспроизводство, и гарантом ее осуществления выступают не столько другие пользователи, сколько Интернет в целом, Интернет как Абсолютный Другой, вызывающий паническое желание субъекта подтвердить, закрепить свою аутентичность, легитимность. Отчаянная «исповедь плоти» заменяется бесплотной, но не менее экспрессивной исповедью воспроизводящего дискурса. Манифест Р. Барта в цифровой среде становится только актуальнее (автор умер, снова). Авторство (цифрового контента, элементов цифрового Я) в виртуальности также отделяется от идентичности, оно одновременно повсеместно распространяется, воспроизводится и тут же погибает, вызывая панику растворения собственного Я в сети, запуская круговорот возникновения и исчезновения.

(Пост)телесность: феномен ускользающего тела

Помимо прочего, нельзя не отметить, что значительную роль в формировании идентичности играет телесность, тело дает человеку (и другим людям) возможность идентификации. Оно является всегда предельно внутренним пространством, абсолютным местом (М. Фуко), но в то же время внешним, конкретным, осязаемым. Для многих философов XX века тело всегда представляло особый интерес: М. Фуко оно представлялось нулевой точкой мира [4], М. Мерло-Понти — осью мира, проводником бытия в мир [10], Л. Витгенштейну — символом того, что составляет важнейший, безмолвный, таинственный фон для всего, что может быть выражено в языке или искусстве, для всего, что может быть сознательно постигнуто, в мысли или представлении [26].

Тело с его решающим значением для чувства ценности, целостности служит экзистенциальной опорой, фундаментом всего сущего и «проектирует вокруг себя мир культуры [10]». «Унизительно выглядеть как пустая трубка, которую просто надувает разум [25]», — писал Л. Витгенштейн. Согласно мнению философа, наши этические представления о правах человека и святости жизни, высокие идеалы моральной ценности, философских и эстетических достижений зависят от ощущения собственного тела и отношения к нему других. Он также полагал, что человек совершенно не подозревает, как понятие о самоуважении и достоинстве зависят от привычного состояния тела («Что было бы с нами, если бы нас вели на поводке, привязанном к кольцу через язык? В какое состояние погрузится такой человек? Мы не знаем, что стоим на высокой узкой скале, окруженной обрывами, где все выглядит совсем иначе [26]»). Но если тело больше не находится в «привычном» состоянии, если телесность ускользает, перестаёт выполнять функцию чего-то внешнего и пространственного, а следовательно, и истинного («нехватка внешнего» придает истине структуру фикции (Ж. Лакан [8])), этические нормы также перестают быть «привычными».

Проблемы этики цифровой идентичности

Цифровые двойники и вечность цифровых следов.

Цифровизация и информационные технологии «заставляют нас открывать новые моральные ценности, формулировать новые моральные принципы, разрабатывать новую политику и находить новые способы осмысления поставленных перед нами проблем [23]». И, в связи с этим, нам представляется необходимым кратко описать перечень этических проблем, которые лишение идентичности грани телесного ставит перед обществом.

Личностная идентичность в цифровую эпоху «зависит от сохраняющихся паттернов информации и ее обработки [24]», что придает субъекту рыночную ценность, воспринимаемость личности как цифрового проекта (востребованного бренда). К проектной идентичности «оказы-

ваются вполне применимыми законы маркетинга — человек формирует востребованность, он должен “продвигать” свой проект, что подразумевает и выбор жизненной стратегии, формирование, позиционирование и продвижение определенного имиджа и репутации [9]». Соответственно, возникают проблемы, связанные с цифровой репутацией (и цифровой интеллектуальной собственностью — хоть этот вопрос и спорный, в связи с тем, что сложно определить, что в цифровом мире вообще может являться *собственностью, приватностью?*), которую практически невозможно восстановить в случае неправильной трактовки тех или иных цифровых следов. Круг проблем, связанных с цифровой идентичностью и репрезентацией, призвано решить право на цифровое забвение, позволяющее видоизменять, скрывать или полностью удалять неактуальную, неадекватную или ложную информацию о пользователях из сети. Тем не менее, этическая проблема корректного представления себя (как проекта) в сети на сегодняшний день остается открытой, так как «на национальном уровне право на цифровое забвение достаточно неконкретное и хрупкое, а в общемировых масштабах (единое для всех) оно не действует; то есть киберпространство отделяет права субъектов от их территориальности [6]».

Идентичность без привязки к телесности очень легко украсть (и это также связано с репутационными проблемами), цифровые реалии выявляет резкую дихотомию между фактами и ценностями. Здесь, как мы полагаем, необходимо кратко описать феномен, который получил название цифрового Я, цифрового двойника или Я-агента, и приобрел различные интерпретативные оттенки. С появлением социальных сетей цифровой двойник представлял собой виртуальную страницу пользователя, им самим созданную и открытую для восприятия другими. Впоследствии, с развитием искусственного интеллекта (к примеру, диалоговых чат-ботов), цифровой двойник унаследовал от субъекта большую автономию, стал определяться как принимающий решения, саморазвивающийся (обучающийся) агент (в данном случае приобретение статуса агента подчеркивает программность, сложность и в то же время искусственность цифрового Я - ранее субъект, пред-

ставленный набором данных, способный выполнять определенные действия, агентом не являлся, но программа, умеющая заменять и использовать в целях *подобия* данные субъекта — агент). Кроме прочего, «тело» цифрового двойника не представлено только лишь алгоритмами, к примеру, система Rapid Avatar Capture and Simulation (RACAS) способна сканировать анатомические данные пользователя, создавая особую, виртуальную телесность (3D-модель субъекта, которую, к тому же можно «обучить», наделить желаемыми характеристиками и свойствами, задать необходимые установки и тип поведения (независимо от тех же параметров, присущих человеку в действительности)).

Такие технологические, механизированные подобия, «которые бродят по банкам данных, хранящим тела [20]», постепенно перестают ассоциироваться с фигурой двойника в его исконном, архетипическом значении (с предвестником смерти, с опытом жути и отчаяния). Например, цифрового двойника можно рассматривать как «мост между человеком и сверхчеловеком», который «вплотную подводит к информативной копии человека во всей полноте ее сверхчеловеческих, трансгуманистических качеств [11]». И тем не менее, копия остается копией, цифровое подобие, зарождаясь в виртуальном пространстве (в компьютере), в нем же и остается — и происходит одна значимая подмена: *исполнитель становится жестом*. И, вероятно, в этом есть элемент трансгрессии (по М. Фуко), этот жест направлен на предел. Прямой ассоциация с переживанием Ужаса от встречи со своим двойником не происходит, страх оседает отголосками тревог где-то в глубинах бессознательного — это страх испарения собственного образа (изгнание образа из своего референта и наделение его подобием жизни [20]).

Так, современная цифровая версия бестелесного (в полном смысле этого слова) человека — не только цифровые данные, «аватар» и набор текста/фотографий, это «цифровые зеркала наших граней и личностных качеств, представляющие человека как в реальном (физическом), так и в виртуальном (цифровом) мире [21]». М. Фуко писал: «В зеркале я вижу себя там, где меня нет [18]». Рекурсия цифровых

зеркал (гетеротопий внутри гетеротопии) представляет собой не просто *иное* пространство, где меня как такового нет, эти зеркала кривые, отражающие след утраченной субъектности или бессмертную сущность модели цифрового Я умершего человека, основанной на данных его существующих/теневых профилей в социальных сетях и превосходящей все известные биологические сроки жизни.

Глубина фальши: феномен дипфейка.

Широко распространившееся под влиянием стремительного развития генеративных методов искусственного интеллекта явление дипфейка (фальшивого видеоконтента для дискредитации конкретного субъекта) также подчеркивает эфемерность тела в виртуальном пространстве. Если этический поступок, совершаемых (и оцениваемый) в системе координат Я — Другой, так или иначе ставит человека в позицию причинности (собственных действий), то в цифровом мире категория причинности размывается (субъекту могут приписываться действия и/или речь, которые он никогда не совершал и не произносил (и, как следствие, реагирует на это культура отмены, насаждение кибербуллинга). Таким образом, «примерить» на себя личность другого человека в цифровом мире гораздо проще в отсутствие необходимости непосредственно менять внешность, достаточно скопировать фотографию и использовать алгоритмы синтеза видео. «Сон разума порождает чудовищ», знаменитый офорт Ф. Гойи: в цифровой среде этими чудовищами и становятся цифровые двойники, способные действовать без ведома своего прототипа, образуя рассеянный и несочетаемый коллектив. И возникает вопрос, насколько разрушаются классические этические постулаты под воздействием цифрового цунами, навязывающего человеку виртуальную петлю и доводящего до безумия дублированием реальной жизни? Конструкция человеческого Эго, нарциссическое отчуждение от отражаемого зеркалом образа, находит из отчуждаемости выход только через символический порядок, регистр языка. Но в виртуальности человек попадает в «порядок», уже захваченный проекцией, образом зеркала; проекционная паранойя не поз-

воляет уловить смысла (цифровая реальность не позволяет через Другого убить себя в Другом).

Цифровая смерть.

Отсутствие тела физического исключает и физическую смерть (в цифровом мире нет предела, цифровая жизнь не завершается цифровой смертью. «Мертвые» страницы пользователей в социальной сети, подобно домам из города Бессмертия Борхеса, становятся бессмысленным хранилищем искаженной информации о человеке, которую, к тому же, можно эксплуатировать. Цифровая реальность радикально размывает всяческие оппозиции (жизнь-смерть, добро-зло, мгновение-вечность), в ней (пока?) отсутствуют безусловные моральные эталоны, гаранты «этичности» действия. Здесь стоит упомянуть, что в центре любой этической системы всегда находится Событие (А. Бадью), точка разлома, коллапса, идущая вразрез всему. Такой разлом (встреча с событием) ставит субъекта в ситуацию морального выбора — готовности/неготовности принять верность событию (пересмотреть собственные этические убеждения [2]). Стремясь к Событию, субъект оказывается в позиции, при которой «собственная смерть выступает предельным горизонтом нашего желания» («Смерть становится императивом ... <> ... момент смерти — единственный момент, когда мы действительно пробуждаемся [8]»). Виртуальность напоминает лакановское реальное (невозможное, неподдающееся репрезентации, побочный продукт действий субъекта, то самое Событие). Только смерть как «неизбежная ставка классической этики [8]» в цифровом мире устраняется, отсутствие телесности прочно фиксирует (вписывает) идентичность в (бес)пространственность, создавая вечный цифровой симулякр личности и препятствуя возможности «действительно пробудиться». А. Базен полагал, что магия изображения, в первую очередь, направлена на то, чтобы сделать предмет бессмертным, и движущий психологический импульс искусства — «желание вырвать смертные вещи из равнодушного потока времени — обмануть смерть путем создания заменителя, двойника живого тела [15]». Цифровое простран-

ство захвачено такими импульсами, но лишено «светлых» намерений искусства (положительных коннотаций *желания*).

Реконцептуализация паноптикума: наблюдение в вечном «сейчас».

Помимо ложных саморепрезентаций и невозможности умереть в цифровом пространстве, остро встают и проблемы утечки персональных данных, наблюдения за индивидами (мониторинга населения), контроля, стигматизации, манипулирования информационными потоками. Концепция паноптикума, с течением времени преодолев свою изначальную материальность и архитектурность, не утратила при этом актуальности, а напротив, стала отправной точкой в развитии этики (цифровой) видимости. Полная доступность цифровых следов пользователей для властных структур в режиме «здесь и сейчас» открывает огромный тоталитарный потенциал для наблюдения, а паноптикум эволюционирует, постоянно совершенствуется (возникают понятия синоптикум (Т. Матизен), панспектрум (М. де Ланда), суперпаноптикум (М. Постер), постпаноптикум (Д. Лайон), каждое из которых так или иначе показывает, что свобода, в том числе свобода идентичности, становится парадоксом, а «капиллярное расширение» власти, как его называл Фуко, становится скорее флюидным, растворяемым в самой ткани цифровой действительности). То есть в условиях цифровизации наблюдение за индивидами осуществляется через наблюдение за данными (метаданными), «используется в качестве дисциплинарного инструмента посредством создания профилей людей и использования баз данных для определения того, следует ли предоставлять человеку право на свободное передвижение или нет [5]». Взаимодействия наблюдателя и наблюдаемого как такового больше нет, наблюдатель ускользает, зато наблюдаемый (не осознавая, что он им является), работая со своими учетными записями, становится только более открытым, доступным для надзора.

Заключение

Таким образом, все вышеперечисленные проблемы прочно взаимосвязаны, бестелесная цифровая идентичность становится манипулируемым и управляемым объектом. Пророчество М. Хайдеггера о том, что «повсюду утвердится неистовая техническая гонка, пока однажды, пронизав собою всё техническое, существо техники не укоренится на месте события истины [12]» осуществляется, цифровая вездесущность и вседозволенность «укореняется на месте события истины» в связи с отсутствием в виртуальности перспективы Страшного суда (категории долга и безусловных, истинных ценностей утрачивают свою символическую функцию). Классическую этическую культуру поглощает виртуальность как пространство пустоты, оставшееся от этой культуры. Этика цифровой идентичности — это этика фантазма, вечной метонимической погони к Поступку, к Смерти, которые в цифровом мире в их подлинном этическом измерении невозможны («В поступке нет разделенного субъекта [8]», в нем ты *весь, целиком*). Раздробленная и хаотичная цифровая идентичность в ситуации быстрой сменяемости цифровых гетеротопий артикулирует потребность в таких же пластичных, подстраивающихся под нарастающие общественные проблемы этических нормах, этика должна быть оцифрована.

Список литературы

1. Агамбен, Дж. Что такое диспозитив? // Что современно? К.: Дух і Літера, 2012.
2. Бадью, А. Этики: очерки о сознании Зла / Пер. с фран. В.Е. Лапницкого. СПб.: Machina, 2012.
3. Блок, А.А. Крушение гуманизма. «Знамя», 1921, № 7-8.
4. Большакова, А.С. Ускользящая телесность: утопический потенциал современного кинематографа в свете идей Мишеля Фуко: сборник трудов конференции // Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество — 2023 : материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с международным участием (Чебоксары, 25 авг. 2023 г.) / редкол.: Ж.В. Мурзина [и др.] — Чебоксары: ИД «Среда», 2023. С. 298-308.

5. Большакова, А.С. Этика видимости в контексте постпаноптического общества 3. Баумана: сборник трудов конференции // Социально-экономические процессы современного общества: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 25 мая 2023 г.) / редкол.: Э.В. Фомин [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2023. С. 315-324.
6. Большакова, А.С. Эффект вечности памяти на фоне цифровых мутаций: сборник трудов конференции. // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 5 июня 2023 г.) / редкол.: Ж.В. Мурзина [и др.] — Чебоксары: ИД «Среда», 2023. С. 82-86.
7. Джемс, У. Психология. Санкт-Петербург: Академический проект «Гаудеамус», 2011. — 320 с.
8. Зупаннич, А. Этика реального. Кант и Лакан. СПб.: Скифия-принт, 2019. —334 с.
9. Кадырова, С.В., Немцева, Е.А., Тульчинский, Г.Л. Селфменеджмент. СПб.: Питер, 2013.
10. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти; пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. — СПб.: Ювента; Наука, 1999. — 603 с.
11. Назаров, В.Н. Цифровой двойник как субъект информационной этики // Этическая мысль. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-dvoynik-kak-subekt-informatsionnoy-etiki> (дата обращения: 15.09.2023).
12. Хайдеггер, М. Вопрос о технике. URL: http://bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike (дата обращения: 18.09.2023).
13. Ясперс, К. Общая психопатология. М: Практика, 1997.
14. Artrip, R. Virulence and Digital Culture. — Toronto; Buffalo, NY: University of Toronto Press, 2008.
15. Bazin, A. The Ontology of the Photographic Image. What is Cinema? Ed./Trans. Hugh Gray. Berkeley & London: U of California P, 1967. P. 9-16.
16. Erikson, E.H. Identity: Youth and crisis. Norton & Company, 1978.
17. Floridi, L. Information Ethics: Its Nature and Scope. Computers and Society, 36(3). P. 21-36.
18. Foucault, M. Different spaces. In J.D. Faubion (Ed.), Aesthetics: The essential works. The New Press, Vol. 2, 1988.
19. Foucault, M. What is an Author? Aesthetics, Method, and Epistemology. New York: New Press, 1998.
20. Kittler, F. Gramophone, Film. — Stanford, California: Stanford UP, 1999.

21. Kocarev, Ljupco, Koteska J. Digital Me Ontology and Ethics. Futures of Education, Culture and Nature — Learning to Become, 2022.
22. Kroger, J. Identity in adolescence: The balance between self and other (3rd). Routledge, 2004.
23. Maner, W. Starter Kit in Computer Ethics. Hyde Park, NY: Helvetia Press and the National Information and Resource Center for Teaching Philosophy, 1980.
24. Wiener, N. Cybernetics: or Control and Communication in the Animal and the Machine, New York: Technology Press/John Wiley & Sons, 1948.
25. Wittgenstein, L. Culture and value/ Amended 2nd ed. with English translation / translated by Peter Winch, 1980.
26. Wittgenstein, L. Denkbewegung: Tagebücher. Innsbruck: Haymon, 1997.
27. Wittgenstein, L. Notebooks 1914-1916. Ed. G.H.V on Wright and G.E.M. Anscombe, trans. G.E.M. Anscombe, Chicago: University of Chicago Press, 1979.

References

1. Agamben, Dzh. Chto takoe dispozitiv? // Chto sovremenno? [What is dispositive?] K.: Dukh i Litera, 2012.
2. Bad'iu, A. Ėtiki: ocherki o soznanii Zla / Per. s fran. V.E. Lapniĭskogo [Ethics: Essays on the Consciousness of Evil]. SPb.: Machina, 2012.
3. Blok, A.A. Krushenie gumanizma [The Collapse of Humanism]. «Znamia», 1921, № 7-8.
4. Bol'shakova, A.S. Uskol'zaiushchaia telesnost': utopicheskiĭ potentsial sovremennoĭ kinematografa v svete ideĭ Mishel'ia Fuko [Elusive corporeality: the utopian potential of contemporary cinema in the light of Michel Foucault's ideas]: sbornik trudov konferentsii. // Tendentsii razvitiia obrazovaniia: pedagog, obrazovatel'naia organizatsiia, obshchestvo – 2023: materialy Vseross. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem (Cheboksary, 25 avg. 2023 g.) / redkol.: Zh.V. Murzina [i dr.] – Cheboksary: ID «Sreda», 2023.
5. Bol'shakova, A.S. Ėtika vidimosti v kontekste postpanopticheskogo obshchestva Z. Baumana [The Ethics of visibility in the context of Z. Bauman's Post-Panoptic Society]: sbornik trudov konferentsii. // Soĭsial'no-ekonomicheskie profsessy sovremennoĭ obshchestva : materialy II Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchast. (Cheboksary, 25 maia 2023 g.) / redkol.: Ė.V. Fomin [i dr.] – Cheboksary: ID «Sreda», 2023. – S. 315-324.

6. Bol'shakova, A.S. Ėffekt vechnosti pam'iaty na fone tsifrovyykh mutatsii [The effect of eternal memory on the background of digital mutations]: sbornik trudov konferentsii. // Aktual'nye voprosy gumanitarnyykh i sotsial'nykh nauk: ot teorii k praktike : materialy II Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchast. (Cheboksary, 5 iyunia 2023 g.) / redkol.: Zh.V. Murzina [i dr.] – Cheboksary: ID «Sreda», 2023. – S. 82-86.
7. Dzhems, U. Psikhologiya [Psychology]. Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt «Gaudeamus», 2011. 320 s.
8. Zupanchich, A. Ėtika real'nogo. Kant i Lakan [The Ethics of the Real. Kant and Lacan]. SPb.: Skifiia-print, 2019. 334 s.
9. Kadyrova, S.V., Nemtseva, E.A., Tul'chinskiĭ, G.L. Selfmenedzhment [Self-management]. SPb.: Piter, 2013.
10. Merlo-Ponti, M. Fenomenologiya vospriiatiia [Phenomenology of Perception] / M. Merlo-Ponti; per. s fr. pod red. I.S. Vdovinoĭ, S.L. Fokina. – SPb.: ĪUventa; Nauka, 1999. 603 s.
11. Nazarov, V.N. Tsifrovoi dvoĭnik kak sub'ekt informatsionnoi ėtiki [Digital double as a subject of information ethics] // Ėticheskaia mys'. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-dvoynik-kak-subekt-informatsionnoy-etiki> (data obrashcheniia: 15.09.2023).
12. Khaidegger, M. Vopros o tekhnike [The Question of Technology]. URL: http://bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike (data obrashcheniia: 18.09.2023).
13. Īaspers, K. Obshchaia psikhopatologiya [General Psychopathology]. M: Praktika, 1997.
14. Artrip, R. Virulence and Digital Culture. - Toronto; Buffalo, NY: University of Toronto Press, 2008.
15. Bazin, A. The Ontology of the Photographic Image. What is Cinema? Ed./Trans. Hugh Gray. Berkeley & London: U of California P, 1967.
16. Erikson, E.H. Identity: Youth and crisis. Norton & Company, 1978.
17. Floridi, L. Information Ethics: Its Nature and Scope. Computers and Society, 36(3). P. 21–36.
18. Foucault, M. Different spaces. In J.D. Faubion (Ed.), Aesthetics: The essential works. The New Press, Vol. 2, 1988.
19. Foucault, M. What is an Author? Aesthetics, Method, and Epistemology. New York: New Press, 1998.
20. Kittler, F. Gramophone, Film. - Stanford, California: Stanford UP, 1999.
21. Kocarev, Ljupco, Koteska J. Digital Me Ontology and Ethics. Futures of Education, Culture and Nature - Learning to Become, 2022.

22. Kroger, J. Identity in adolescence: The balance between self and other (3rd). Routledge, 2004.
23. Maner, W. Starter Kit in Computer Ethics. Hyde Park, NY: Helvetia Press and the National Information and Resource Center for Teaching Philosophy, 1980.
24. Wiener, N. Cybernetics: or Control and Communication in the Animal and the Machine, New York: Technology Press/John Wiley & Sons, 1948.
25. Wittgenstein, L. Culture and value/ Amended 2nd ed. with English translation / translated by Peter Winch, 1980.
26. Wittgenstein, L. Denkbewegung: Tagebücher. Innsbruck: Haymon, 1997.
27. Wittgenstein, L. Notebooks 1914-1916. Ed.G.H.v on Wright and G.E.M. Anscombe, trans. G.E.M. Anscombe, Chicago:University of Chicago Press,1979.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

[Пустая страница]

[This page intentionally left blank]

Дискурсы этики. 2023, 3(19): 75—80

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2024/04/DE2023_3_19_75-80.pdf

УДК 17

«The Theory of Value and Its Place in the History of Ethics» (1901).

Анализ статьи Ч.Г. Шоу

Дорогостайский В. Г.

статья:

поступила в редакцию 07.08.2023

принята к публикации 20.09.2023

опубликована (онлайн) 17.04.2024

© Дорогостайский Виктор Густавович

к.э.н., магистр прикладной этики, Санкт-Петербург, Россия

адрес для корреспонденции: dvictor@list.ru

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. Данная публикация представляет собой аналитический обзор статьи 1901 г. «The Theory of Value and Its Place in the History of Ethics» за авторством Ч.Г. Шоу. В статье рассматриваются аспекты категории «ценность».

Ключевые слова: Чарлз Грей Шоу, американская этика, ценность, аксиология, добродетель, долг, интуитивизм, гедонизм.

Discourses of Ethics. 2023, 3(19): 75—80

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2024/04/DE2023_3_19_75-80.pdf

«The Theory of Value and Its Place in the History of Ethics» (1901)

by C.G. Shaw. Paper Review

Dorogostaiskii Victor

received 07.08.2023

accepted 20.09.2023

published (online) 17.04.2024

© Victor G. Dorogostaiskii

Candidate of Science in Economy, MA in applied Ethics, St. Petersburg, Russia

Correspondence to: dvictor@list.ru

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: This publication is an analytical review of the 1901 paper by C.G. Shaw, «The Theory of Value and Its Place in the History of Ethics» (1901). The paper discusses the aspects of the concept of value.

Keywords: Charles Gray Shaw, American ethics, value, axiology, virtue, duty, intuitionism, hedonism.

The article titled «The Theory of Value and Its Place in the History of Ethics» was published in the third issue of the *International Journal of Ethics* in 1901¹.

The author of the publication was Professor of philosophy at the New York University Charles Gray Shaw (1871–1949).

He was actively published in the first half of the twentieth century and was known for his https://www.amazon.com/Outline-Philosophy-Part-Charles-Gray/dp/B000OENS88/ref=sr_1_1?qid=1690381435&refinements=p_27%3ACharles+Gray+Shaw&s=books&sr=1-1 outlines of the history of philosophy. Charles Shaw was particularly interested in the problems of theology and ethics.

This publication, despite the fact that it was published more than 120 years ago, is of interest in the context of the history of philosophy. It gives an idea of the way in which the concept of «value» (and in general axiology as a philosophical discipline) becomes an integral part in the discussion of ethical problems.

The continuation of this path will be the books on ethics by G.E. Moore and the emergence of analytical philosophy, and perhaps, the book «Ethics» by N. Hartman, entirely built on the idea of ontological values.

By the end of the nineteenth century, the concept of value had become the key concept of the most influential trend of continental (primarily German, of course) philosophy — neo-Kantianism. Shaw rightly points out that the concept is also actively and fruitfully used in economics, praxeology, theology. He urges not to stop there, but to immerse the new concept in the ethical field, where, in his opinion, it can be used especially fruitfully.

The article provides a schematic description of the key approaches to solving ethical problems in antiquity and modernity (relative to the author). The presented scheme is very controversial. It boils down to the fact that all

¹ Shaw, C.G. The Theory of Value and Its Place in the History of Ethics // *International Journal of Ethics*. 1901. Vol. 11 (3). P. 306-320.

Дорогостайский В. Г.
«The Theory of Value and Its Place in the History of Ethics» (1901).
Анализ статьи Ч.Г. Шой

previous ethics, one way or another, comes from the category of goodness and virtue. And modern ethics is based on the ideas of law and duty.

At the same time, the author argues that modern approaches can also be considered as represented by the direction of intuitionism (Kant first of all) and hedonism (Mill and Sidgwick). Each of these directions also splits into two currents.

Intuitionism uses two different methods of justification. One method comes from conscience, which becomes the principle of justice. And the other is based on the problem of free will, which leads to the idea of duty.

Hedonism, in turn, also falls into two variants. Firstly, as a justification of utilitarianism. And, secondly, as the primary basis for explaining social evolution.

This view is also difficult to call indisputable, although in our time utilitarianism and deontology are considered to be two general lines in ethics.

As a result, the appeal to the category of «value» seems fruitful to the author, since it should make it possible to bring all these directions to a single denominator, reconcile them and show new horizons.

The basis of such optimism is the idea that «value» is at the same time the starting point for explaining behaviour, i.e. it is linked to psychology (and through this with all natural science disciplines), and on the other hand, it is a metaphysical category, which is a method of studying and describing reality.

Further, inevitably, in the course of reasoning, the philosopher faces a problem that continues to be relevant to this day. Namely, with the definition and identification of the content of «value». There are two ways to discuss this issue: by contrasting values with similar concepts, identifying the common and specific, or by giving a direct definition, which in itself would separate the concept from all available alternatives. Shaw chooses the first path.

The main concepts to which value is opposed in his reasoning are desire and pleasure. Later in philosophy, arguments about the nature of value have always been built around opposing understandings of value as a goal, on the one hand, or as a cause, on the other hand. In other words, there was a dispute about the source of value. Whether the object is the bearer of value or the value is entirely in the subject, which transfers and links it with the external object of desire.

An elegant vision is proposed, which is based not on a topological principle (there is value outside or inside the subject), but on the idea of the time of the emergence of value. If desire is linked to the future, and pleasure to the present, then value is designed to unite both understandings. Value for the author is what is timeless, i.e. simultaneously in the present and the future for the subject.

The second meaningful characteristic of value is the understanding of the source of its (value) origin. Shaw believes that value is a product of the free will of the subject. And, consequently, every human value has an ethical dimension.

In the final, the author proves that the ultimate task of values is to determine the meaning of life in general. Like meaning, value is simultaneously a) a goal, b) a result, and c) a criterion for evaluating everyday events.

From the point of view of the history of philosophy, Shaw's article is extremely interesting and revealing.

Firstly, it shows that by the beginning of the 20th century, all the necessary foundations were laid for using an axiological approach to solve ethical problems.

Secondly, the text demonstrates that American philosophy followed the European tradition based on ontology and metaphysics in ethics. The subsequent turn into analytical philosophy deprived the English-speaking philosophy of these developments.

The ideas outlined in the text are somewhat controversial, but very progressive for their time.

Дорогостайский В. Г.
«The Theory of Value and Its Place in the History of Ethics» (1901).
Анализ статьи Ч.Г. Шоу

Список литературы

1. Shaw, C.G. The Theory of Value and Its Place in the History of Ethics // International Journal of Ethics. 1901. Vol. 11 (3). P. 306-320.

References

1. Shaw, C.G. The Theory of Value and Its Place in the History of Ethics // International Journal of Ethics. 1901. Vol. 11 (3). P. 306-320.

Дискурсы этики. 2023, 3(19): 81—100

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2024/04/DE2023_3_19_81-100.pdf

УДК 17

**«ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА:
ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ — 2023»**

Обзор XV Международной научной конференции,
Санкт-Петербургский государственный университет
16-18 ноября 2023 г.

Перов В. Ю., Ларионов, И. Ю., Глебова С. В., Жадунова Н. В.,
Карпов Г. В., Коваль Е. А., Овчинникова Е. А., Ставцева О. И.,
Сычев А. А., Чумакова Т. В.

текст опубликован (онлайн) 17.04.2024

© Перов Вадим Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, заведующий каф. этики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, адрес для корреспонденции: vadimperov@gmail.com. Ларионов Игорь Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, заведующий каф. философской антропологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Глебова Софья Валерьевна, кандидат философских наук, ассистент каф. русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Жадунова Наталья Владимировна, директор Института корпоративного обучения и непрерывного образования, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. Карпов Глеб Викторович, кандидат философских наук, заведующий каф. логики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Коваль Екатерина Александровна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. Овчинникова Елена Анатольевна, кандидат философских наук, доцент, доцент каф. этики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Ставцева Ольга Ивановна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Сычев Андрей Анатольевич, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. Чумакова Татьяна Витаутасовна, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Discourses of Ethics. 2023, 3(19): 81—100

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2024/04/DE2023_3_19_81-100.pdf

«THEORETICAL AND APPLIED ETHICS:
TRADITIONS AND PROSPECTS»

Review of the 15th International Conference, November 16-18, 2023;
Saint Petersburg University, Russia

Perov Vadim, Larionov Igor, Glebova Sofia, Zhadunova Natalia,
Karpov Gleb, Koval Ekaterina, Ovchinnikova Elena, Stavtseva Olga,
Sychev Andrey, Chumakova Tatiana

published (online) 17.04.2024

© Perov Vadim, Larionov Igor, Glebova Sofia, Zhadunova Natalia, Karpov Gleb, Koval Ekaterina, Ovchinnikova Elena, Stavtseva Olga, Sychev Andrey, Chumakova Tatiana

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы» уже пятнадцать лет является площадкой для дискуссий о проблемах этики, актуальных и вечных нравственных проблемах и, в этом году, оставаясь верными этому кредо организационный комитет обозначил темой конференции «Разумность. Практичность. Человечность». Санкт-Петербургский государственный университет в этом году вновь, после трехлетнего перерыва, принял в своих стенах ученых не только из России, но и представителей международного научного сообщества.

Тезисы Конференции опубликованы: XV международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы — 2023. Разумность. Практичность. Человечность». Санкт-Петербургский государственный университет. 16-18 ноября 2023 г. Материалы конференции / Отв.ред. В.Ю. Перов. — СПб.: ООО «Сборка», 2023. — 240 с. ISBN 978-5-85-263070-4.

Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), eLIBRARY ID: 49842172.

Мероприятие приурочено к 300-летию юбилею Санкт-Петербургского государственного университета.

«Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы — 2023»
Обзор XV Международной научной конференции,
Санкт-Петербургский государственный университет
16-18 ноября 2023 г.

Научная Программа XV международной конференции
«Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы: Разумность. Практичность. Человечность»

16 ноября 2023 г. (четверг)	
10.00 – 14.00	секция «История и теории этики: пути схождения». (ч.1) Модераторы: Е.А. Овчинникова, А.В. Разин. Ауд. 108. секция «Этические риски и конфликты». Модераторы: Е.В. Держивицкий, Т.В. Ковалева. Ауд. 106. секция «Этические дилеммы профессиональной деятельности». Модератор: В.Ю. Перов. Ауд. 125. круглый стол «Скандалы практики: большие данные, искусственный интеллект, новые этические дилеммы». (ч.1) Модераторы: Е.А. Коваль, А.А. Сычев. Ауд. 24
15.00 – 19.00	секция «История и теории этики: пути схождения». (ч.2) Модераторы: Г.П. Артёмов, В.Ю. Перов. Ауд. 108. круглый стол «Моральный и религиозный дискурс: исторический и теоретический анализ». Модераторы: Е.А. Овчинникова, Т.В. Чумакова. Ауд. 24. круглый стол «Этические проблемы антропоцена». Модератор: О.И. Ставцева. Ауд. 106. круглый стол «Экзистенциально-критические ресурсы кинематографа». Модератор: И.К. Романовна. Ауд. 125. секция «Theoretical and Applied Ethics: Rationality. Practicability. Humanity». Модератор: С.В. Глебова. Ауд. 8.

17 ноября 2023 г. (пятница)	
10.00 – 14.00	<p>круглый стол «Этика и животные». Совместно с Общественной организацией «Голоса за животных». (ч.1) Модератор: Динара Агеева. Ауд. 106.</p> <p>круглый стол «Ценностные практики и дискурсы в праве». (ч.1) Модераторы: Ю.Ю. Ветютнев, С.В. Тихонова. Ауд. 8.</p> <p>круглый стол «Логика в морали и праве: от формы к коду». Модераторы: Г.В. Карпов, Е.Н. Лисанюк. Секретарь: М.И. Щербаков. Ауд. 108.</p> <p>круглый стол «Биоэтические стратегии: многообразие смыслов». Модератор: Т.В. Ковалева. Ауд. 24.</p> <p>молодежный круглый стол «Этика и политика: аксиологические аспекты политических процессов в России и мире». Модераторы: А.В. Волкова, А.В. Селезнева. Ауд. 125.</p>
15.00 – 19.00	<p>круглый стол «Этика и животные». Совместно с Общественной организацией «Голоса за животных». (ч.2) Модератор: Динара Агеева. Ауд. 106.</p> <p>круглый стол «Ценностные практики и дискурсы в праве». (ч.2) Модераторы: Ю.Ю. Ветютнев, С.В. Тихонова. Ауд. 8.</p> <p>круглый стол «Концепция справедливой войны: история и современность». Модератор: Н.И. Борзенков. Ауд. 125.</p> <p>круглый стол «Моральное агентство: история и современность». Модератор: В.Ю. Перов. Ауд. 108.</p> <p>круглый стол «Скандалные практики: большие данные, искусственный интеллект, новые этические дилеммы». (ч.2) Модераторы: Е.А. Коваль, А.А. Сычев. Ауд. 24.</p>

«Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы — 2023»
Обзор XV Международной научной конференции,
Санкт-Петербургский государственный университет
16-18 ноября 2023 г.

18 ноября 2023 г. (суббота)

10.00 – 14.00	секция «Актуальные вопросы этики». Модератор: М.Ю. Рыжова. Ауд. 106. секция «История и теории этики: пути схождения». Модератор: К.О. Стрежнева. Ауд. 125. секция: «Проблемы моральных практик». Модератор: В.С. Сергеева. Ауд. 108. секция: «Этические вызовы современности». Модератор: А.В. Васильев. Ауд. 8.
------------------	---

Ниже Вашему вниманию предлагаются обзоры ряда круглых столов Конференции.

Продолжение обзора круглых столов Конференции см. в №4 за 2023 г.

«Этические проблемы антропоцена».
Обзор круглого стола

Ставцева О.И.

Круглый стол «Этические проблемы антропоцена» состоялся 16 ноября 2023 г. Тематика круглого стола была широкой, но фокусировалась на этических проблемах, связанных с осмыслением текущего состояния общества и природы, которые можно обозначить дискуссионным термином «антропоцен», обозначающим эпоху беспрецедентного вмешательства человека в природу, но одновременно указывающим и хрупкость, пределы, неоднозначность самого субъекта таких масштабных воздействий — человека.

В программе Конференции было заявлено 11 докладов. К сожалению, не все докладчики сумели принять участие в работе круглого стола, было заслушано и обсуждено 6 докладов.

Представленные доклады, тезисы которых опубликованы в сборнике материалов Конференции, можно тематически разделить на три взаимосвязанных между собой части, которые с разных сторон рассматривают проблематику круглого стола:

1. Дискурс постгуманизма как общая теоретическая рамка исследования этических проблем антропоцена. В исследованиях постчеловека традиционно выделяют два направления — трансгуманизм, который на основе биотехнологических изменений человеческой природы стремится преодолеть ограничения человека и прийти к более лучшему состоянию (которое можно назвать, сверхчеловеческим), при этом сохраняется антропоцентристская позиция, и постгуманизм, который разрабатывает онтологию равенства человека и других агентов. Оба этих направления постгуманизма были представлены на круглом столе, при этом в докладах подчеркивался их этический смысл;

2. Изменение классических этических понятий и концепций в современной ситуации, связанной с технологическими вызовами и экологическими опасностями, в том числе и обращение к восточным культурам как к поиску возможностей иных отношений между природой, человеком и техникой;

3. Этические проблемы, вызванные распространением технологий. В рамках этих трех основных тем докладчиками были сформулированы следующие идеи для обсуждения.

1. Дискурс постгуманизма

В докладе профессора ЛГУ им. А.С. Пушкина, доктора философских наук Тульпе Ирины Александровны *«Патрик Д. Хопкинс и его моральное видение трансгуманизма»* рассматривался трансгуманистический проект американского философа П.Д. Хопкинса в аспекте морального оправдания применения технологий в улучшении человека. Мораль-

ное обоснование проекта биотехнологического улучшения человека основывается на том, что человек в измененном, постгуманистическом состоянии преодолает природные и психологические ограничения, свойственные нашему виду, что свойственное человеку стремление к постижению истины и добра будет реализовано. Такое трансгуманистическое моральное видение Хопкинса подводит к идее, что трансгуманизм не является новым для человечества, он продолжает стремление человека знать истину и стремиться к добру.

Доцент СПбГУ, кандидат философских наук А.М. Сидоров в докладе «*Постгуманизм и биополитика*» включает постгуманизм в череду философских учений, критикующих гуманистическую парадигму Модерна и Просвещения, — постструктурализм, в частности, мысли М. Фуко о понятии «человека», сложившимся в современной эпистеме. По мысли А.М. Сидорова, постструктурализм как предшествующий постгуманизму этап критики гуманизма все же недостаточно отходит от антропоцентризма. Постгуманисты, в отличие от постструктуралистов, обращают внимание не на сконструированность субъекта дискурсами знания / власти, а на вовлеченность человека в материальный мир, на включенность биологии, экологии, нечеловеческого в мир человека. Процессы, отделяющие человека от нечеловеческого мира, А.М. Сидоров рассматривает как «биополитические» процессы отчуждения, которые и определяют человека как вид управляемого субъекта, и исключают животных, а в некоторых случаях, и определенные группы людей, из этого статуса, превращая их в ресурсы и объекты для использования. Исходя из этого А.М. Сидоров предлагает постгуманистическое видение биополитики.

Григорьева Екатерина Сергеевна, обучающаяся магистратуры МГУ им. М.В. Ломоносова, в докладе «*Этика человеческого и нечеловеческого Другого*», основываясь на идеях диалогической философии М.М. Бахтина, психоаналитической философии Ж. Лакана, С. Жижека, диалектической философии Гегеля, деконструкции Ж. Деррида формулирует тезис о фундаментальной расколотости мыслящего субъек-

та. На основании становится возможным переосмыслить традиционное понятие человек, включить в него нечеловеческое. Этот тезис Григорьева Е.С. иллюстрирует, приводя интересные примеры из текстов Жижека, Слотердайка, Лакана. Григорьева Е.С. констатирует, что человек содержит в себе нечеловеческое, процедура выделения нечеловеческого из человеческого начала всегда безусловна, т.е. проводит критику антропоцентрического понятия человека, связанного с разумностью, моральностью, способностью сознательно и активно влиять на природу и историю.

2. Трансформация классических этических понятий и концепций, новые траектории развития этической мысли в ситуации технологических вызовов и экологических опасностей, включая обращение к восточным культурам как к поиску возможностей иных отношений между природой, человеком и техникой.

Исходя из критики антропоцентрической парадигмы современные этические концепции существенно меняют свое содержание, ориентируясь прежде всего на технологические изменения и общественные риски, а не только на развитие теории. Ряд докладов участников круглого стола был сфокусирован на этой проблематике.

Авдеева Ирина Александровна (кандидат философских наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе *«Перспективы нормативности в условиях глобализации»* анализирует идею глобального этоса, которая возникла во второй половине XX в. как этический проект будущего социально-политического и социально-культурного развития. Базовые основания этой идеи — программа этики прав человека, идея общего ценностного ядра морального сознания различных культур и общих этических инвариантов морального поведения, дискурсивный подход, концепция самоорганизации глобального коммуникативного пространства, этика глобальной ответственности. Авдеева И.А. выделяет оптимистический и пессимистический подходы к возможности идеи гло-

бального этоса, а также указывает на тенденцию подмены этического содержания понятия «глобальный этос» политическим содержанием, т.е. этическое понятие трансформируется в политическое. Вернуться к поиску максимально широкого значения понятия «этос» — в таком решении видит И.А. Авдеева развитие этой проблемы, что приведет к возрождению нормативной морали через идеи А. Макинтайра о добродетели.

Ставцева Ольга Ивановна (кандидат философских наук, доцент ЛГУ им. А.С. Пушкина) в докладе *«Пределы ответственности в постантропоцентрической этике»* рассматривает трансформацию концепции ответственности, сформулированной Г. Йонасом в экологической этике. Привлекая постгуманистические концепции человека, которые связаны с идеей бессилия и апатии человека, О.И. Ставцева развивает мысль о пределах ответственности, опираясь на идеи Г. Йонаса, А. Черы, Т. Мортон и др. Ослабление агентности человека означает и ослабление ответственности, что не означает полного отказа от ответственности и свободы, а осторожность и внимательность к миру, способность прислушиваться к другим, выстраивании взаимодействия. Понимание пределов ответственности означает признание возможной опасности последствий наших действий. Некоторой гарантией может быть признание инаковости Другого, с которым мы имеем дело, подчеркивание различия как важного проявления инаковости.

Ассистент кафедры философии ЛГУ им. А.С. Пушкина, PhD Азаров Константин Валерьевич в своем докладе *«Чжуан-цзы для антропоцена»* ведет речь о различных интерпретациях образа древнего китайского философа Чжуан-цзы в западной мысли в связи с экологической озабоченностью (Дж. Миллер, Р. Гудман и др.). Это связано, по мнению докладчика, с даосистской идеей отказа от самоцентричности и переключения сознания с акцентирования себя на акцентирование процесса. Субъект Чжуан-цзы преодолевает антропоцентризм, это больше поток, а не субъект, он ситуативно-ответственен. При таком, несомненно, плодотворном принятии идей Чжуан-цзы для экологической

этики важно, подчеркивает докладчик, чтобы древность этого автора, инаковость его идей, была сохранена.

Кандидат философских наук, старший преподаватель МГУ им. М.В. Ломоносова Евгений Геннадьевич Цуркан в докладе *«Должен ли альтруизм быть эффективным?»* (исследование поддержано РФФ № 22-78–10171 «Трансдисциплинарные концептуализации научного прогресса: проблемно-ориентированный, семантический и эпистемический подходы. К 100-летию со дня рождения Томаса Куна и Имре Лакатоса») анализировал современное философское и социальное движение, утверждающее превосходство рациональных доказательств в пользу благотворительности и расчетов ее эффективности, — эффективный альтруизм (В. МакЭскилл). Привлекая в качестве аргумента мыслительный эксперимент «Ограбление Паскаля» (сформулирован впервые Э. Юдковским, использован Н. Бостромом, представляет собой инверсию более раннего мыслительного эксперимента «Пари Паскаля»), докладчик делает вывод о том, что тратить усилия на маловероятные сценарии неэффективно. Этот аргумент он и направляет на критику положений лонгтермизма (достижение максимума воображаемой пользы в долгосрочной перспективе) столь важного в концепции эффективного альтруизма.

Скипин Николай Сергеевич (младший научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук) в докладе *«Ценности как ядро модернистского метанарратива»* (в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Политические ценности российской молодежи: традиционные аксиологические основания и их современные смыслы», шифр FZNF-2023-0010, номер тематики 1023042500277-9-5.6.1) рассматривал метанарративы как структуры модернистского мышления. Такие метанарративы, как рационализм, сциентизм, антропоцентризм имеют наличие конечной цели, или целеполагание, т.е. констатируется родство структуры метанарратива и структуры целеполагания. Ядром

метанарратива являются ценности, т.е. «абстрактные, культурно объективированные идеи», формирующие социальный контекст. В зрелом модерне метадискурс проявляется как дискурс идеологий, ценности — стержень идеологии, который определяет этические принципы деятельности. В постмодерне, переживающем кризис метанарративов, на первый план выходят проблемы, а не ценности, в силу неопределенного образа будущего и низкой степени разрешимости текущих проблем. Это различие между модернистским и постмодернистским отношениями к ценностям докладчик прояснял на примере энвайронментализма — движения за сохранение окружающей среды.

3. Этические проблемы, вызванные распространением технологий

Большакова Анастасия Сергеевна (обучающаяся магистратуры Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого) в докладе *«Этика цифровой идентичности»* обращается к проблемам, связанным с этической рефлексией стремительного развития цифровой реальности. Понятие цифровой идентичности находится в центре внимания цифровой этики. Выделяя структурные элементы цифровой идентичности, описывая ее фундаментальное отличие от идентичности-до-виртуальности — она способна циркулировать в сети абсолютно независимо от своего носителя, А.Н. Большакова формулирует этические вызовы: маркетизация личности, присутствие цифровых двойников в сети, отсутствие телесности цифровой идентичности, что связано с невозможностью достижения смерти в цифровом мире; явления дипфейка, надзора. Все эти вызовы, по мнению докладчицы, должны быть осмыслены в цифровой этике как универсальном ретрансляторе новых ценностей, применимых к субъектам в современных реалиях.

Романов Иван Юрьевич (обучающийся магистратуры Волгоградского государственного университета) в докладе *«Этика и искусственный интеллект: этические вызовы и социальные последствия в эпоху ИИ»*

обращается к проблемам, связанным с развитием искусственного интеллекта. При этом, как считает докладчик, основная этическая проблема усматривается в вопросе наличия у ИИ субъектности, которая дала бы ему право принимать решения. ИИ видится антропоморфно, он будто бы субъект, способен к самообучению, но, по мысли докладчика, это — только видимость субъектности, ИИ представляет собой такую же технологию, как и любые другие, и не является субъектом. Возможны риски дисбалансированного социального развития, связанные с заменой навыков человека на навыки ИИ, что увеличит степень отчуждения человека в обществе. Пока же ИИ не является субъектом, обращение людей к ИИ легитимирует институты, поскольку люди в рамках институтов проверяют деятельность ИИ.

Софья Константиновна Логунова (студентка Санкт-Петербургского университета ветеринарной медицины) в докладе *«Этико-экологические проблемы современных мегаполисов»* анализирует экологические проблемы, связанные с урбанизацией (ухудшение качества грунтовых и речных вод в городах, загрязнение воздуха и появление шума, образование большого количества бытовых отходов, отходов строительства, шум антропогенного происхождения, отравление почвы). Все эти проблемы приводят к ухудшению качества жизни людей, требуют немедленного изучения и решения, причем на мировом уровне. Для этого нужны этические стратегии, выходящие за пределы антропоцентризма и ориентирующиеся на максимизацию экосистемного блага.

Представленные на круглом столе доклады, тезисы докладов, присланные для публикации в сборнике конференции, отражают основные тенденции изучения современных проблем — критику антропоцентризма и постгуманизм как теоретические рамки рассмотрения этических проблем антропоцена, трансформацию классических этических концепций и понятий, анализ наиболее острых проблем, связанных с развитием техники (ИИ, цифровая этика), неотложность рассмотрения экологической проблематики, но не исчерпывают всех этических проблем антропоцена.

«Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы — 2023»
Обзор XV Международной научной конференции,
Санкт-Петербургский государственный университет
16-18 ноября 2023 г.

«Скандальные практики: большие данные, искусственный интеллект, новые этические дилеммы». Обзор круглого стола

Жадунова Н.В., Коваль Е.А., Сычев А.А.

Круглый стол подготовлен и проведен в рамках реализации проектов РНФ № 23-28-01288 «Этика больших данных: трансформация моральных норм и ценностей», № 23-28-01167, «Новая этика»: культурные основания и нормотворческие перспективы».

Заседание круглого стола состоялось в рамках XV международной конференции «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы — 2023. Разумность. Практичность. Человечность» 16-17 ноября 2023 г. На круглом столе обсуждались вопросы, связанные с культурным и этическим контекстом развития новых технологий и их влияния на возникновение новых моральных дилемм и практик, которые часто концептуализируются как «новая этика». Большие данные, искусственный интеллект и другие новые информационные технологии, позиционирующиеся как объективные и беспристрастные, по факту становятся средоточием социальных интересов и ценностей, способствуют масштабному распространению предубеждений и предвзятостей. Появление искусственных агентов и сложное сочетание искусственной и естественной социальности способствуют возникновению новых скандальных практик, которые находят отклик и моральное обоснование в общественном сознании.

Работу круглого стола открыла Мартынова Марина Дмитриевна (Россия, Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева) с докладом «*Частный случай ценностного восприятия человеком искусственного интеллекта при найме на работу*» (РНФ 23-28-01288 «Этика больших данных: трансформация моральных норм и ценностей»). В своем выступлении она акцентировала внимание на проблеме недоверия к использова-

нию искусственного интеллекта (ИИ) в процессе рекрутинга, связанного с алгоритмической предвзятостью. Парадоксальным образом ИИ, призванный способствовать решению профессиональных задач, создает проблемы при найме на работу: сомнения в объективности ИИ, адекватности критериев отбора, непрозрачность его функционирования, неспособность ИИ к эмпатии. В качестве решения предлагается информировать соискателей о деталях процесса автоматизированного интервьюирования. Однако, такой подход неэффективен, поскольку соискатели испытывают опасения по поводу конфиденциальности, вмешательства в частную жизнь, справедливости принятия решений. Более продуктивным было бы предоставление соискателям права выбрать рекрутера-человека или ИИ.

Дорохина Римма Викторовна (Россия, Воронеж, ВГУ) в докладе *«Цифровой имидж преподавателя»* обозначила проблему необходимости новых подходов к созданию имиджа преподавателям в «цифре». Цифровые компетенции современного педагога должны подстраиваться под цифровые потребности студента, который должен владеть различными способами цифровой коммуникации, уметь использовать продуктивные методики онлайн взаимодействия, позиционировать себя в информационном пространстве.

Беляева Елена Валериевна (Беларусь, Минск, БГУ) в своем выступлении *«Этика ответственности во взаимодействии человека и искусственного интеллекта»* ставит ряд проблемных вопросов, обусловленных спецификой взаимодействия «человек» – «машина» и возможности определить субъекта ответственности в контексте этого взаимодействия. Во-первых, является ли ИИ субъектом моральной коммуникации? Во-вторых, готов ли человек считать ИИ субъектом ответственности? В-третьих, нуждается ли ИИ в «нравственной поддержке человека»? В-четвертых, есть ли необходимость в моральном отношении человека к ИИ? Последнее, по мнению докладчика, возможно только при условии, что человек начнет «учитывать интересы самого искусственного интеллекта» и ответственно относится к нему как к Другому.

В обзорном докладе *«Технические стандарты в области больших данных и этика, могут ли они подружиться?»* Попов Александр Александрович (Россия, Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева) (РНФ 23-28-01288 «Этика больших данных: трансформация моральных норм и ценностей») сопоставил положения технических стандартов и кодексов этики, регулирующих работу с большими данными. Несмотря на то, что технические стандарты содержат моральные понятия: «конфиденциальность», «прозрачность», «добровольность согласия на обработку персональных данных» и др., это не гарантирует защиты прав и законных интересов пользователя. Сегодня этические требования к дизайну и использованию больших данных строже, чем требования технических стандартов. Однако, эффективность этических требований зависит от заинтересованности применяющего их сообщества и вовлечения в разработку кодексов междисциплинарных коллективов.

Сычев Андрей Анатольевич (Россия, Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева) в докладе *«Скандал в этике»* (№ 23-28-01167, «Новая этика»: культурные основания и нормотворческие перспективы») раскрыл понятие «скандал в этике» по аналогии с кантовским «скандалом в философии». «Скандал в этике», по его мнению, отражает ситуацию, в которой мораль оказалась лишена объективных общезначимых оснований. Эта ситуация теоретически отображена в таких концепциях как «гильотина Юма» и «натуралистическая ошибка» Дж. Мура. Следствием «скандала в этике» является фрагментарность и несогласованность этической теории и отождествление морали с чувствами и желаниями субъекта. Выход из ситуации скандала связан с поиском объективного основания для морали. Для этого предлагается либо вернуться к отброшенным ранее основаниям морали (природе, религии, праву), способным ограничить желания, либо попытаться найти нечто, объединяющее индивидов в их субъективных желаниях (таким объявляется противостояние дискриминации и непризнанию). В итоге публичный дискурс радикализируется: сложное многообразие

этических концепций искусственно редуцируется к двум крайним позициям, которые докладчик обозначил как «старую» и «новую» этики.

Рябова Екатерина Юрьевна (Россия, Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева) в докладе *«Этическое потребление как социальная инновация: за и против»* (№ 23-28-01167, «Новая этика»: культурные основания и нормотворческие перспективы) рассматривает «новую этику» в контексте трансформации потребительских практик и расширения содержания понятия «мораль». «Новая этика» потребления основывается на выборе таких товаров и услуг, при производстве которых минимизируется ущерб окружающей среде, человеку, обществу.

В докладе *«Власть и этика больших данных»* (РНФ 23-28-01288 «Этика больших данных: трансформация моральных норм и ценностей») Коваль Екатерина Александровна (Россия, Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева) сформулировала проблему изменения баланса власти в современном обществе в условиях постоянного накопления больших данных. Появляются новые претенденты на власть — эксперты по данным, которые обладают большим объемом знаний о специфике новых информационных технологий и доступом к данным, которые им не принадлежат, но которыми они имеют возможности манипулировать. Несмотря на то, что собственники больших данных (правительства, корпорации и т.д.) инициируют обсуждение и разработку кодексов этики использования больших данных, это недостаточно для защиты прав рядовых пользователей. Декларации признания ответственности укрепляют репутации собственников данных, но рекомендательный характер этических требований позволяет ничего не менять в своей деятельности. Решением этой проблемы может быть взаимное признание ответственности всех вовлеченных в процесс сторон. Это решение затруднительно применить в текущей ситуации, так как сообщества экспертов по большим данным достаточно разобщено и не испытывает потребности в этическом поведении.

Жадунова Наталья Владимировна (Россия, Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева) в докладе *«Идеи и антиидеи новой этики»* (№ 23-28-01167, «Новая этика»: культурные основания и нормотворческие перспекти-

вы») предложила подход к рассмотрению идей и проблем «новой этики» в контексте концепции антиидей А.И. Титаренко. По ее мнению, активизм и нигилизм «новой этики» во многом обусловлен не только цифровыми трансформациями современного общества, но, прежде всего, борьбой за признание. Антиидеи современного социума: пропаганда распушенности, преподносимая как свобода, протесты против традиционных моральных норм, столкновение интересов различных социальных и этнических групп, прикрывающихся борьбой за права человека, борьбой с различными видами дискриминации и др. размывают понятия «хорошее» и «плохое», «терпимое» и «нетерпимое», «индивидуальное» и «коллективное». Анализ «новой этики» как очередного этапа в развитии морали необходимо осуществлять в метапредметном контексте, с учетом лингвистического, социального, политического и собственного этического дискурсов.

Гришнева Анастасия Александровна (Россия, Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева) в выступлении «*"Культура отмены" в молодежном дискурсе*» (№ 23-28-01167, «Новая этика»: культурные основания и нормотворческие перспективы») отметила, что «культура отмены» как одна из особенностей «новой этики» является своеобразным инструментом общественного контроля в ситуации, когда мнение «меньшинства» становится доминантой в оценке таких явлений, как право на гендерное самоопределение, защита от насилия, сегрегации и др. В основе «культуры отмены» среди молодежи лежат протест против консервативных ценностей и ресентимент, которые в коммуникативном пространстве выражаются, прежде всего, в форме борьбы за справедливость посредством «цифрового остракизма».

В докладе «*Демонстративность и скрытность: этические ракурсы*» Зимбули А.Е. (Россия, Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена) рассмотрел ценностно-этические ракурсы двух традиционных поведенческих стратегий, известных с древних времен: демонстративности и скрытности. Выбор стратегии, как правило, зависит от характеристик субъекта и объекта взаимодействия, контекста коммуникаций, наме-

рений и поведения тех, кто вступает во взаимодействие, нравственной оценки результатов и отношения к ним. Обе стратегии могут быть моральными, если соблюдаются требования взаимного уважения, доверительности, свободы.

Ушкин Сергей Геннадьевич (Россия, Саранск, МГУ им. Н.П. Огарева) в своем сообщении *«Практики сбора персональных данных: три доминанты эмоционального восприятия»* (РНФ 23-28-01288 *«Этика больших данных: трансформация моральных норм и ценностей»*) анализирует вопросы защиты конфиденциальности в процессе сбора персональных данных. По мнению докладчика, который основывался на результатах авторского социологического исследования, доминантами отношения граждан являются безразличие, раздражение и страх. Это обусловлено возникновением своеобразного «парадокса приватности»: с одной стороны, людей беспокоят вопросы конфиденциальности, вмешательства в частную жизнь, с другой стороны, они не готовы отказываться от использования удобных гаджетов, даже если последние бесконтрольно собирают их персональные данные.

Положенцев Андрей Михайлович (Россия, Санкт-Петербург, СПбГУПТД) в докладе *«Общество как усилитель страстей»* рассматривает природу общества через рациональные и биологические основания. С одной стороны, общество подавляет естественные страсти, с другой стороны, усиливает их, благодаря «эффекту умножения». Страстная физиологическая природа человека посредством культуры приобретает такую искусственную форму, которая не вызывает отторжения в обществе, но способствует воспроизводству определенных социальных практик. Сочетание искусственной и естественной социальности не является изобретением современности и во многом обусловлено противопоставлением общества и природы.

В докладе *«О доверии к «машинам»* Гашкова Елена Михайловна (Россия, Санкт-Петербург, СПбГУ) затронула ряд вопросов, раскрывающих проблему доверия к современным технологиям и возможности делегирования «машинам» принятия морально значимых решений. По мнению докладчика, «машины» могут только имитировать по-

ведение человека, «переводя» моральные дилеммы с языка морали на рационально-когнитивный язык. Алгоритмы, таким образом, являются не субъектами моральной ответственности, но мощными инструментами, которые не всегда находятся в руках в достаточной степени ответственности и компетентного человека.

Спирин Тихон Викторович (Россия, Волгоград, ВолГУ) в своем докладе *«Традиционные этические системы как скандал: генезис новых этических дилемм»* отмечает, что в современном мире наблюдается «смещение этических норм, критика традиционных представлений о морали и попытка ускользнуть от этики». Причиной этого, по его мнению, является потребность человека поступать так, чтобы одновременно соответствовать требованиям различных этических систем, религиозных и светских. Однако такая потребность, как правило, не может быть удовлетворена в силу противоречивости установок «старой» и «новой» этики. Это скандализирует моральные практики особенно тех людей, которые испытывают проблемы с самоидентификацией.

Тематика круглого стола вызвала интерес со стороны участников, вопросы к докладчикам и обсуждение неоднозначных тезисов и аргументов продемонстрировали актуальность и востребованность этической рефлексии по поводу скандальных практик «новой этики», проблем доверия к большим данным и ИИ, вопросов субъектности и ответственности в условиях сочетания искусственной и естественной социальности.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Дискурсы этики» — рецензируемое научное ежеквартальное издание, цель которого — публикация оригинальных статей, результатов научных исследований, посвященных актуальным проблемам теоретической и прикладной этики, социологии и антропологии морали, истории этики и т.п., а также обзоров научных событий и новой научно-исследовательской литературы.

Материалы публикуются на русском или английском языках.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке.

Более подробная информация на сайте издания:
<http://theoreticalappliedethics.org/>

INFORMATION FOR AUTHORS

“Discourses of Ethics” is a quarterly peer-reviewed academic journal. Its goal is the publication of the original papers, the research results on topical issues of theoretical and applied ethics, sociology and anthropology of morality, history of ethics etc.

Papers are published in English, or in Russian.

All submitted texts are reviewed in accordance with the procedure established by the editorial board.

For detailed information please check our website:
<http://theoreticalappliedethics.org/>

Научное издание

Дискурсы этики

Выпуск 3(19), 2023

ISSN (Печатный): 2306-9430

ISSN (Онлайн): 2311-570X

Discourses of Ethics

Issue 3(19), 2023

ISSN (Print): 2306-9430

ISSN (Online): 2311-570X

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-81587 от 03 августа 2021 г.

<http://theoreticalappliedethics.org/>

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Выпускающий редактор: к.филос.н., доц. И.Ю. Ларионов

верстка: А.В. Васильев, П.В. Казакевич, И.Ю. Ларионов, Д.А. Сисенова

Издание печатается в авторской редакции.

Подписано к печати 25.12.2023. Формат бумаги 60 x 84 1/16.
Усл.печ.л.7,9.

Онлайн-издание. Постоянная ссылка:
http://theoreticalappliedethics.org/archive/2023_3_19/